

Электронная версия издания

Аполлон Павлович Крутликов. Мои воспоминания.

Ярославль: “Аверс Плюс”, 2006.–72с.

Печатается по тексту издания: С.-Пб., 1889 г.

Воспроизводится орфография и оформление оригинала.

Использованы фотографии из архива Пустошкиных.

В форзацах приведены части карт межевания XVIII-XIX вв., содержащие упоминаемые в тексте владения Крутликовых в Московской и Ярославской губерниях.

Общественное творческое достояние. Свободное распространение
by-nc-nd «с указанием авторства/некоммерческое/без производных»

ISBN 5-9527-0069-7

Аполлон Павлович Кругликов
(1829–1892)

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Меня всегда почти огорчала мысль, что у насъ, на Руси, дѣти еще знаютъ о своихъ отцахъ, знаютъ кое-что и внуки о своихъ дѣдахъ, но правнуки о своихъ прадѣдахъ, за весьма немногими исключеніями, ничего не знаютъ; такъ что прошлое и даже весьма недавнее громаднаго большинства нашихъ фамилій покрыто для потомства непроницаемою тьмою. Хотя прошлое нашего семейства не отличается также большимъ освѣщеніемъ, но я все-таки желаю исполнить давнишнее мое намѣреніе и набросать на бумагѣ, какъ съумѣю, тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились въ моей памяти. Свѣдѣнія эти весьма скудны; но лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего не дать.

Приступая къ этому, я ставлю себѣ задачей не красоту слога,— не всѣмъ дано хорошо

писать,— не интересъ для лицъ, не принадлежащихъ къ моей семьѣ,— я ихъ вовсе не имѣю въ виду,— а вѣрность разсказа.

Предки мои были Московскіе дворяне. Прадѣдъ мой назывался Венедиктъ Александровичъ и носилъ чинъ бригадира; отецъ его назывался Александръ Львовичъ; отецъ Александра Львовича назывался Левъ Петровичъ, отецъ Льва Петровича назывался Петръ Васильевичъ. Далѣе не знаю. Одинъ изъ моихъ предковъ былъ казначеемъ при которомъ-то изъ Царей Московскихъ.— Они жили въ Москвѣ, въ собственномъ домѣ, у Креста. Домъ этотъ мой отецъ показывалъ мнѣ въ 1836 году, когда я въ первый разъ торжественно въѣзжалъ съ нимъ въ Москву въ кибиткѣ на тройкѣ измученныхъ почтовыхъ лошадей и когда я слово «Кремль» смѣшивалъ съ французскимъ словомъ «*crème*» и воображалъ, что увижу въ Москвѣ, на улицѣ, большое пирожное. Имѣли они подмосковную — Семѣнково, гдѣ при прадѣдѣ моемъ были оранжереи и разныя затѣи. Семѣнково лежало въ верстѣ отъ Хатыкова монастыря, гдѣ похоронено нѣсколько поколѣній рода Кругликовыхъ и гдѣ покоится и прахъ моего прадѣда. Въ этомъ монастырѣ почиваютъ мощи родителей Св. Сергія. Народъ говорилъ, что молитва у мощей Св. Сергія того, кто не заѣдетъ поклониться его родителямъ, не доходить до Бога. Ста-

рая дорога изъ Переяславля Залѣскаго въ Москву шла чрезъ монастыри Сергіевскій и Хатковъ. Построенное въ концѣ тридцатыхъ годовъ шоссе отъ Сергіевской Лавры къ Москвѣ отошло отъ Хаткова монастыря верстъ на семь. Семёново было на большой (старой) дорогѣ. Я разъ, бывши студентомъ и возвращаясь изъ деревни чрезъ Москву въ Петербургъ, проѣзжалъ тамъ, но Семёнова уже не существовало, оно было продано и срыто; мнѣ ямщикъ показалъ мѣсто, гдѣ было Семёново. Венедиктъ Александровичъ кромѣ этого имѣлъ вотчины въ губерніяхъ: Ярославской, Владимірской и Тамбовской. Владимірская вотчина была пожалована его предку Царемъ Васи́ліемъ Шуйскимъ. Софья Александровна Волкова помнила моего прадеда и говорила мнѣ, что въ церкви онъ стоялъ всегда на клиросѣ и любилъ пѣть съ пѣвчими. Дядя моей матери Павелъ Николаевичъ Ушаковъ, родившійся въ 1779 году и прожившій безвыѣздно въ Оединѣ (имѣніи своего отца Ярославской губерніи) до 16-ти лѣтъ, рассказывалъ мнѣ, что Венедиктъ Александровичъ, когда бывалъ въ Торóповѣ (своемъ Ярославскомъ имѣніи), пріѣзжалъ въ Оедино всегда въ каретѣ въ шесть лошадей цугомъ и съ двумя гайдуками верхомъ. Гайдуки скакали впереди кареты и трубили. Я думаю, что это было превесело, натурально не тому, кто ѣхалъ на встрѣчу и долженъ

былъ волей, неволей сворачивать, а тому, кто сидѣлъ въ каретѣ. Венедиктъ Александровичъ былъ Московскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства въ началѣ царствованія Екатерины II. Должность предводителя учреждена въ 1766 году. Дѣдъ мой Иванъ Венедиктовичъ родился въ 1768 году. Можетъ быть, по тому случаю, что прадѣдъ мой былъ въ числѣ первыхъ предводителей дворянства, дѣдъ мой получилъ офицерскій чинъ въ колыбели.

Прадѣдъ мой былъ женатъ на нѣмкѣ. Фамиліи отца моей прабабушки я не помню; знаю только, что её называли Настасьею Осиповной. У прадѣда моего было пять человѣкъ дѣтей, три сына: Александръ, Павелъ и Иванъ и двѣ дочери: Анна и Софія. Онъ раздѣлилъ свое состояніе при жизни: Александру далъ Тамбовское имѣніе; Павлу — домъ въ Москвѣ и Семёново съ деревнями; Ивану — Ярославское имѣніе и Владимірское. Что далъ онъ своимъ дочерямъ, я не знаю. Обѣ онѣ умерли прежде или очень скоро послѣ кончины моего прадѣда. Въ моемъ дѣтствѣ говорили о нихъ, какъ о давно-умершихъ. Софія Венедиктовна умерла дѣвицею и оставила свое состояніе брату своему, моему дѣду, а Анна Венедиктовна была за кѣмъ-то замужемъ; не помню.

Раздѣливъ состояніе, Венедиктъ Александровичъ уѣхалъ жить въ Торѣпово къ своему младше-

му сыну — моему дѣду, и умеръ тамъ въ 1811 году, имѣя отроду 9¼ года.

Дѣдушка Иванъ Венедиктовичъ говорилъ мнѣ, что «батюшка все зябѣ и каждый годъ надѣвалъ по одному халату больше». Умеръ онъ въ пяти халатахъ, надѣтыхъ одинъ на другой, сидя въ креслѣ въ угольной комнатѣ Торóповскаго дома, рядомъ съ маленькой гостиной.

Торóпово принадлежитъ теперь моей сестрѣ Софѣ Павловнѣ Тимротъ. Домъ, въ которомъ умеръ мой прадѣдъ, существуетъ и теперь. Въ залѣ помѣщается сельская школа. Тимроты живутъ въ Самарѣ и Торóпово совсѣмъ заброшено, а имѣніе это, въ которомъ я провелъ первыя мои пятнадцать лѣтъ, пресимпатичное. Домъ и садъ на рѣчкѣ съ красивыми берегами. Прогулки по этимъ берегамъ доставляли мнѣ въ дѣтствѣ истинное наслажденіе. Противъ дома, за садомъ, на горкѣ хорошенькая каменная церковь, которую мы также очень любили; вокругъ церкви кладбище, на которомъ похоронены: мой дѣдъ Иванъ Венедиктовичъ, мой дядя Сергѣй Ивановичъ, моя тѣтка Софья Ивановна, мой братъ Иванъ Павловичъ, мой отецъ и моя мать.

Старшій сынъ моего прадѣда Александръ Венедиктовичъ былъ женатъ два раза. Вторая его супруга была рожденная Волкова (я не знаю была ли она въ родствѣ съ нашими Волковыми). Ктó

была первая его жена, я не знаю. Но я зналъ старшаго сына Александра Венедиктовича отъ перваго брака Николая Александровича — препочтеннаго и преумнаго старика, прожившаго весь свой вѣкъ въ деревнѣ въ Серпуховскомъ уѣздѣ Московской губерніи. Николай Александровичъ женился 19-ти лѣтъ, а Марья Васильевна, его жена, было тогда 21 годъ. Прожили они прекрасно долго, долго. У него было четыре сына; дочерей не было. Замѣчательно, что его третій сынъ Левъ Николаевичъ родился 16 лѣтъ послѣ втораго. Я зналъ также и одного изъ сыновей Александра Венедиктовича отъ втораго брака, а именно, артиллерійскаго полковника Павла Александровича. Въ сороковыхъ годахъ его зналъ весь Петербургъ. Къ своему несчастію онъ былъ глупъ, къ счастью женскаго пола онъ былъ холостъ, а къ бѣдствію Петербургскаго населенія онъ былъ вездѣ. Я какъ теперь вижу эту длинную фигуру съ нафабранными усами и въ шляпѣ съ бѣлымъ перомъ. Онъ былъ постоянно въ движеніи и извошки его были до того мерзки, что удивляли даже Петербургскихъ жителей. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, Генералъ-Фельдцейхмейстеръ, добрый челоѣкъ, но не любившій студентовъ, которымъ онъ даже никогда не отвѣчалъ на поклоны, его удостоивалъ иногда улыбкою и наискоромнѣею остротою. Па-

вель Александровичъ умеръ давно, ранѣе 1849 года.

Второй сынъ моего прадѣда Павелъ Венедиктовичъ былъ женатъ на побочной дочери какого-то князя Долгорукова; взялъ за ней тысячу душъ крестьянъ и много бурмицкихъ зеренъ, и все состояніе, какъ свое, такъ и своей жены, проигралъ въ карты. Ухнули и Семёново, и домъ въ Москвѣ, и бурмицкія зерна.

Дѣдъ мой Иванъ Венедиктовичъ, третій и послѣдній сынъ моего прадѣда, женился первый разъ въ 1798 году, имѣя отроду тридцать лѣтъ, на дочери сосѣда-помѣщика Александрѣ Ивановѣ Дедюлиной, родной тѣткѣ Александра Яковлевича Дедюлина, бывшаго улана, а теперь члена комитета о раненыхъ. Послѣ родовъ молоко бросилось ей въ голову, она сошла съ-ума, кричала на весь Торѹповскій домъ и умерла бездѣтна, проживъ съ моимъ дѣдомъ всего и мѣсяцевъ. Вскорѣ за тѣмъ, а именно въ 1799 году, мой дѣдъ женился во второй разъ, также на дочери сосѣда, на Екатеринѣ Сергѣевнѣ Власевой — моей бабкѣ. Отецъ ея, Сергѣй Ивановичъ, былъ богатъ, у него было тысячи три душъ крестьянъ и много денегъ. Говорили, что онъ значительно увеличилъ свое состояніе тѣмъ, что посылалъ своихъ крѣпостныхъ людей грабить на большихъ дорогахъ и награбленное бралъ себѣ. Непотченныи Сергѣй Ивановичъ былъ золъ: заковывалъ

своихъ крѣпостныхъ людей въ цѣпи, морилъ ихъ въ подвалахъ своего неуклюжаго, но громаднаго Василѣвскаго дома, вырѣзывалъ груди у женщинъ, и въ Сибирь не попалъ. Удивительно! Хорошо, что каждому смертному полагается по четыре прадѣда, такъ что у каждого есть нѣкоторый шансъ не походить хоть на одного изъ нихъ. Сергѣй Ивановичъ умеръ большимъ старикомъ въ самомъ началѣ нынѣшняго столѣтія. Ни бабушка Екатерина Сергѣевна, ни дѣдушка никогда, по крайней мѣрѣ при насъ, не вспоминали о родителяхъ; но у бабушки былъ его портретъ во весь ростъ натуральной величины:— Сергѣичъ стоитъ съ золотою табакеркою, въ чулкахъ, башмакахъ, французскомъ кафтанѣ, въ жабо и манжетахъ *en point d'Alençon* и нюхаетъ табакъ.— Дѣдъ мой построилъ церковь на томъ мѣстѣ, гдѣ похороненъ его тестъ, а у отца моего слово «дѣдушка Власьевъ» было бранное слово.

Послѣ Сергѣя Ивановича остались: два сына — Михаилъ Сергѣевичъ и Иванъ Сергѣевичъ и три дочери — Марья Сергѣевна Алексѣева, моя бабка Екатерина Сергѣевна Кругликова и княгиня Авдотья Сергѣевна Урусова (бабка моей невѣстки Анны Николаевны Кругликовой).

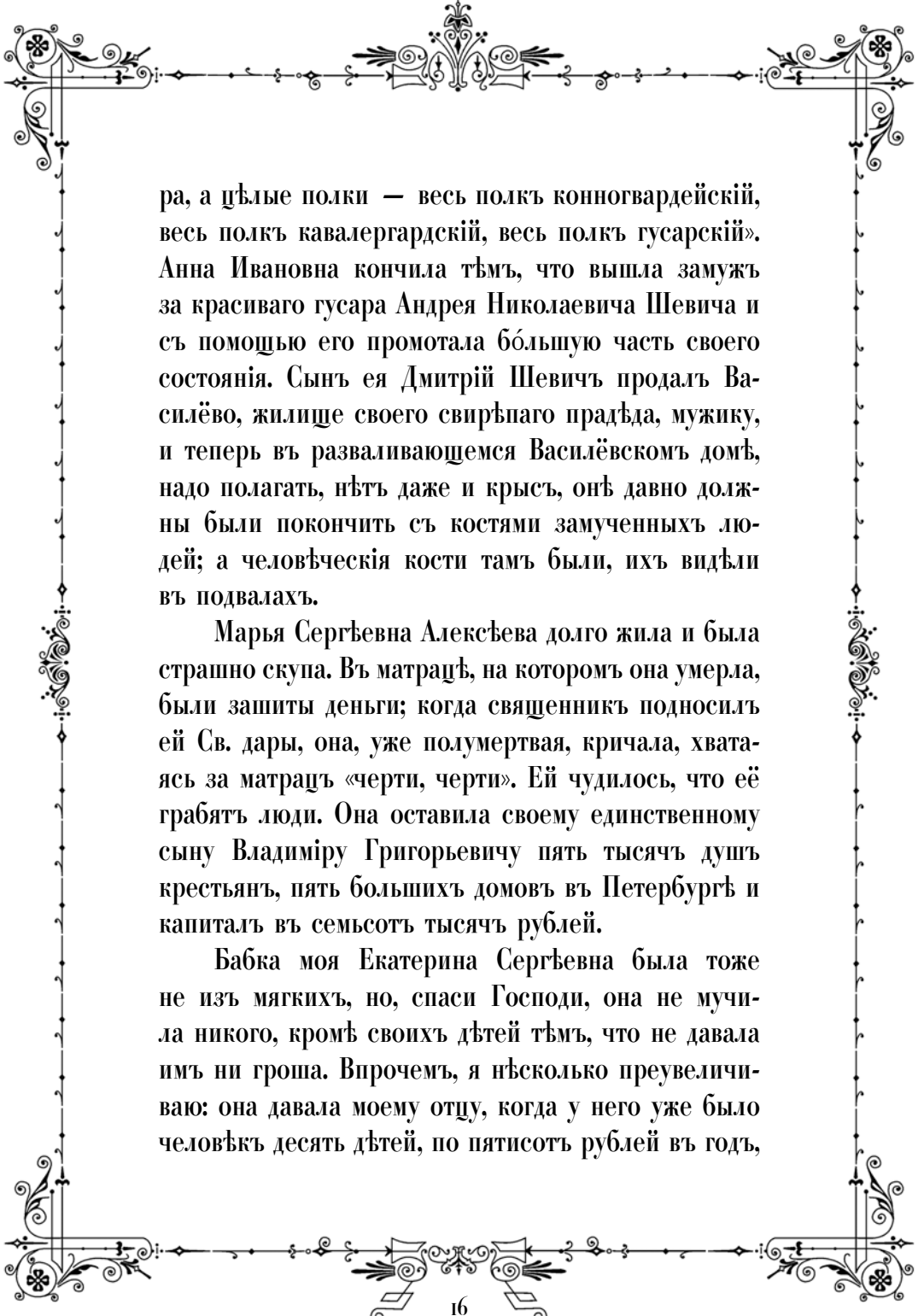
Михаила Сергѣевича я никогда не видалъ и по очень простой причинѣ, онъ умеръ прежде, чѣмъ я родился. Онъ былъ женатъ на своей крѣпостной,

которая родила двадцать два раза. Я её видалъ. Это была очень маленькая и очень застѣнчивая старушка. Послѣ смерти Михаила Сергѣевича она жила у своей старшей дочери, рожденной до брака, такой же микроскопической, какъ и она, вдовы полковника Гатчинскаго кирасирскаго полка Надежды Михайловны Гагиной. При постороннихъ мать Надежды Михайловны не выходила въ гостиныя своей дочери, а скрывалась въ своей комнатѣ, куда ходили её навѣстить гости — старушки, ея старинныя знакомыя.

Ивана Сергѣевича я зналъ. Онъ, хотя рѣдко, но ѣздилъ къ своей сестрѣ Екатеринѣ Сергѣевнѣ. Этотъ тоже былъ маленькій и сухонькій. Разговаривая, онъ безпрестанно прибавлялъ къ своей рѣчи слово «кикіе»: «Кикіе я былъ въ Ярославѣ»; «кикіе, сестра, да пріѣзжай же ко мнѣ въ Василёво, вѣдь кикіе ты ѣдишь же мимо меня въ Петербургъ». — Иванъ Сергѣевичъ былъ два раза женатъ. Первая его жена Екатерина Дмитриевна, рожденная Бехтеева, принадлежала къ лучшему Петербургскому обществу, была богата, у нее было тысячи двѣ душъ крестьянъ и, между прочимъ, имѣніе около Москвы, гдѣ добывалась фарфоровая глина, приносившее ей большой доходъ. Павелъ Николаевичъ Ушаковъ былъ шаферомъ на ея свадьбѣ. Съ Иваномъ Сергѣевичемъ она не ладила и года черезъ три послѣ свадьбы

разъѣхалась съ нимъ. Послѣ ея смерти (она умерла рано) Иванъ Сергѣевичъ женился на публичной женщинѣ, которую взялъ изъ публичнаго дома. У этой женщины, прозываемой Натальей Николаевной, былъ сынъ, рожденный до брака ея съ Власьевымъ, — Демосфенъ Васильевичъ Васильевъ. Иванъ Сергѣевичъ далъ этому Демосфену отличное образованіе и, когда тотъ дослужился до чина полковника, подарилъ ему триста душъ крестьянъ. Васильевъ вмѣстѣ съ Павломъ Николаевичемъ Дубровинымъ пріѣзжалъ въ Петербургъ въ 1859 году, какъ представитель Ярославскаго дворянства, для участія въ трудахъ редакціонной коммисіи по составленію проекта положенія объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Хотя Васильевъ былъ и образованъ, и уменъ, но ведя свое сельское хозяйство ужъ черезчуръ по всѣмъ правиламъ искусства, прохозяйничалъ все свое состояніе и умеръ въ нуждѣ. Мать его, бывшая проститутка, послѣ смерти мужа жила въ Ярославлѣ и своимъ умомъ и безукоризненнымъ поведеніемъ завоевала общее уваженіе, но въ общество не ѣздила. Бабка моя Екатерина Сергѣевна и Анна Ивановна (дочь Ивана Сергѣевича отъ перваго брака) никогда съ нею не встрѣчались; въ присутствіи ихъ, натурально изъ учтивости, никогда даже не произносили имя Натальи Николаевны.

Надо сказать словечко объ Аннѣ Ивановнѣ. Она была умна, любезна, хороша и отлично воспитана. Императрица Марія Ѳеодоровна, слышавшая о раздорѣ въ ея семействѣ, взяла ее трехлѣтнею отъ отца и помѣстила въ Екатерининскій институтъ въ особомъ апартamentѣ съ особыми няньками и гувернанткой. Родители ѣздили къ ней, но между собою никогда не встрѣчались. Въ 1825 году Анна Ивановна вышла замужъ за молодаго полковника кавалергардскаго полка Ивана Юрьевича Поливанова. Иванъ Юрьевичъ попался въ бунтъ 14 Декабря и въ 1826 году умеръ въ казематѣ Петропавловской крѣпости въ присутствіи своей молодой жены (ей было 24 года), которая, съ разрѣшенія Императора Николая, пришла къ нему съ девятидневнымъ ребенкомъ на рукахъ. Ребенокъ этотъ — теперь старикъ Николай Ивановичъ Поливановъ живетъ разбитый параличемъ со временъ Крымской кампаніи и почти безъ всякихъ средствъ. Оставшись вдовой съ девяносто тысячами годоваго дохода, Анна Ивановна зажила широко. Баронесса Марья Михайловна Медемъ, когда то красавица, а теперь слѣпая девяностолѣтняя старуха, одного съ Анною Ивановною выпуска изъ института, говорила мнѣ, вспоминая объ Аннѣ Ивановнѣ, «какъ *Annette Власъевъ* (она называла её такъ по институтской привычкѣ) весело жила; къ ней ѣздили не одинъ, два, три офице-

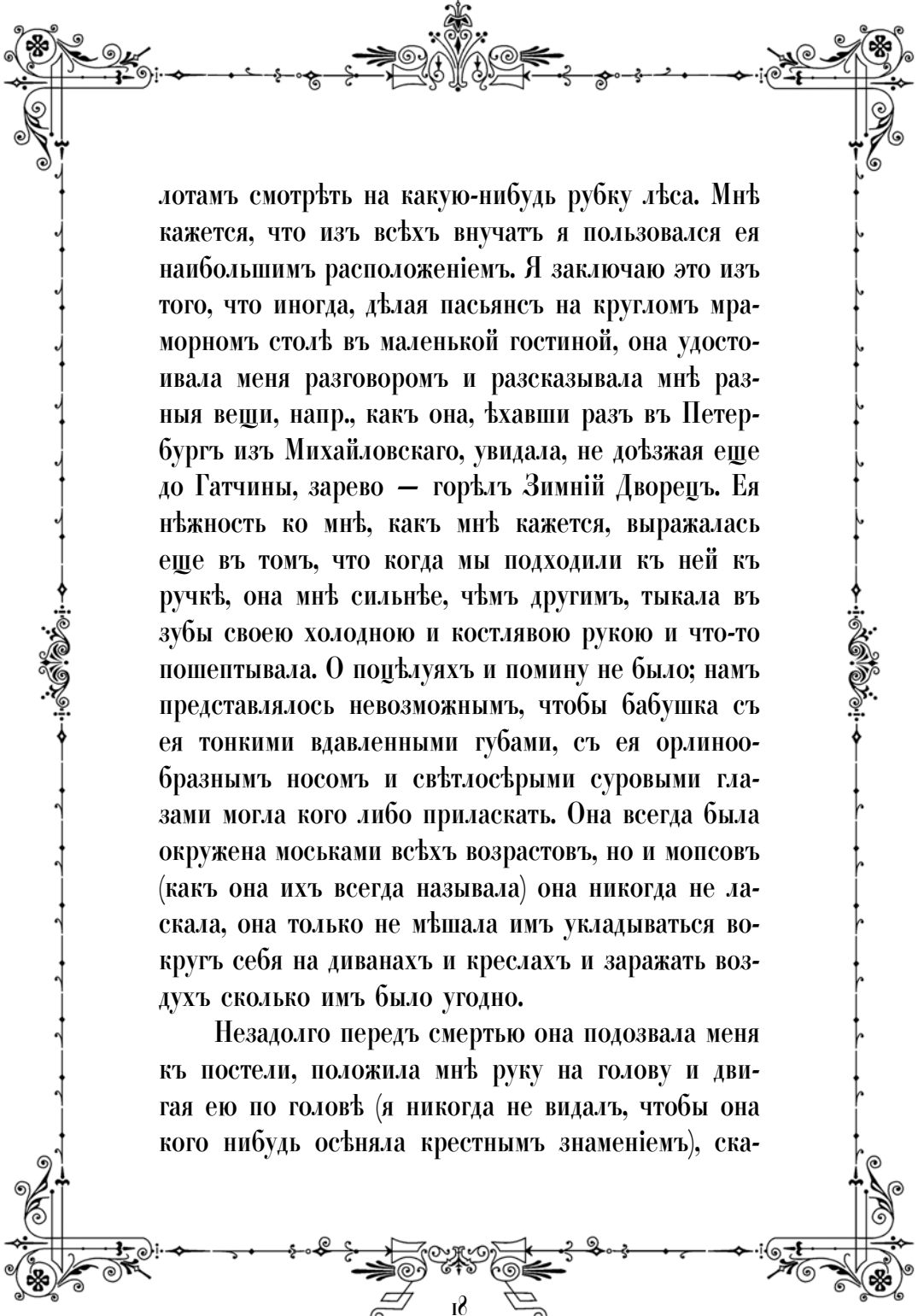

ра, а цѣлые полки — весь полкъ конногвардейскій, весь полкъ кавалергардскій, весь полкъ гусарскій». Анна Ивановна кончила тѣмъ, что вышла замужъ за красиваго гусара Андрея Николаевича Шевича и съ помощью его промотала бѣольшую часть своего состоянія. Сынъ ея Дмитрій Шевичъ продалъ Василѣво, жилище своего свирѣпаго прадѣда, мужику, и теперь въ разваливающемся Василѣвскомъ домѣ, надо полагать, нѣтъ даже и крысъ, онѣ давно должны были покончить съ костями замученныхъ людей; а человѣческія кости тамъ были, ихъ видѣли въ подвалахъ.

Марья Сергѣевна Алексѣева долго жила и была страшно скупа. Въ матрацѣ, на которомъ она умерла, были зашиты деньги; когда священникъ подносилъ ей Св. дары, она, уже полумертвая, кричала, хватаясь за матрацъ «черти, черти». Ей чудилось, что еѣ грабятъ люди. Она оставила своему единственному сыну Владиміру Григорьевичу пять тысячъ душъ крестьянъ, пять большихъ домовъ въ Петербургѣ и капиталъ въ семьсотъ тысячъ рублей.

Бабка моя Екатерина Сергѣевна была тоже не изъ мягкихъ, но, спаси Господи, она не мучила никого, кромѣ своихъ дѣтей тѣмъ, что не давала имъ ни гроша. Впрочемъ, я нѣсколько преувеличиваю: она давала моему отцу, когда у него уже было человѣкъ десять дѣтей, по пятисотъ рублей въ годъ,

и то не каждый годъ, — иногда забывала, и разъ подарила ему тринадцать тысячъ на покупку деревни. Она едва умѣла читать и писать; была умна, скупа и практична. Получивъ, въ 1799 году, въ приданое отъ своего отца мѣшокъ съ сорока тысячами рублевыхъ монетъ, который на другой день послѣ ея свадьбы привезли въ Торóпово, она передъ смертью, въ 1843 году, перевела на имя своего мужа, моего дѣда, тысячу семьсотъ душъ благопріобрѣтенныхъ крестьянъ и отдала ему скопленные ею сто семьдесятъ тысячъ рублей. Замѣчательно, что она въ послѣдніе годы жизни не клала деньги въ банкъ, а держала ихъ при себѣ въ самой простой, домашней работы, шкатулкѣ. Это объясняется тѣмъ, что такимъ образомъ она могла доставлять себѣ наслажденіе — запереться одной въ кабинетъ (что она часто и дѣлала), открыть шкатулку и считать деньги. Съ этою шкатулкою она каждую зиму въ большомъ рогожами крытомъ возкѣ, съ пожилою горничною Натальею и съ лакеемъ Михайломъ, совершала свою поѣздку на почтовыхъ изъ Торóпова въ Михайловское (имѣніе ея близъ Гатчины) и обратно (900 верстъ въ одинъ конецъ). Удивительно, какъ она не боялась и какъ её не ограбили. Вообще дѣятельность ея была изумительна. Я самъ видалъ какъ она, уже семидесятилѣтняя старуха, усядется, бывало, въ крестьянскую телѣгу и поѣдетъ по кочкамъ и бо-

лотамъ смотрѣть на какую-нибудь рубку лѣса. Мнѣ кажется, что изъ всѣхъ внучатъ я пользовался ея наибольшимъ расположеніемъ. Я заключаю это изъ того, что иногда, дѣлая пасьянсъ на кругломъ мраморномъ столѣ въ маленькой гостиной, она удостоивала меня разговоромъ и рассказывала мнѣ разныя вещи, напр., какъ она, ѣхавши разъ въ Петербургъ изъ Михайловскаго, увидала, не доѣзжая еще до Гатчины, зарево — горѣлъ Зимній Дворецъ. Ея нѣжность ко мнѣ, какъ мнѣ кажется, выражалась еще въ томъ, что когда мы подходили къ ней къ ручкѣ, она мнѣ сильнѣе, чѣмъ другимъ, тыкала въ зубы своею холодною и костлявою рукою и что-то пошептывала. О поцѣлуяхъ и помину не было; намъ представлялось невозможнымъ, чтобы бабушка съ ея тонкими вдавленными губами, съ ея орлинообразнымъ носомъ и свѣтлосѣрыми суровыми глазами могла кого либо приласкать. Она всегда была окружена моськами всѣхъ возрастовъ, но и мопсовъ (какъ она ихъ всегда называла) она никогда не ласкала, она только не мѣшала имъ укладываться вокругъ себя на диванахъ и креслахъ и заражать воздухъ сколько имъ было угодно.

Незадолго передъ смертію она подозвала меня къ постели, положила мнѣ руку на голову и двигая ею по головѣ (я никогда не видалъ, чтобы она кого нибудь осѣняла крестнымъ знаменіемъ), ска-

зала слабымъ голосомъ, совѣтъ не тѣмъ, какимъ она, бывало, кричала на распростертыхъ у ногъ ея старость, привезшихъ ей оброкъ съ недоимкою: «смотри, Аполлонъ, избѣгай дурныхъ товарищей, никогда не сходишь съ тѣмъ, кто шалить и ведетъ себя дурно, слышишь». Бабушка скончалась въ Декабрѣ 1843 года въ городѣ Романо-Борисоглѣбскѣ, куда она переѣхала для леченья и гдѣ она пролежала въ постелѣ мѣсяцевъ шесть. Дѣдушка былъ страшно огорченъ. Погребена бабушка въ Толгскомъ монастырѣ близъ Ярославля. Похороны стоили одиннадцать тысячъ. Отпѣвалъ Архіепископъ Евгений, который пріѣзжалъ для этого нарочно изъ Ярославля въ Романо-Борисоглѣбскъ и пробылъ въ домѣ дѣдушки два дня.

Вскорѣ послѣ похоронъ дѣдъ мой послалъ моего отца въ Михайловское, и отецъ мой нашелъ тамъ на чердакѣ шесть тысячъ рублей, завернутыхъ въ тряпку. Дѣдъ мой взялъ эти деньги, а отцу моему подарилъ десять тысячъ.

Дѣда моего Ивана Венедиктовича я помню еще не очень старымъ. Росту онъ былъ хорошаго — средняго. Въ лицѣ его было что-то голландское (не была ли его мать не нѣмка, а голландка), очень плѣшивый и чрезвычайно чистый; я никогда не видалъ пылинки на его рукѣ, которую мы и утромъ, и вечеромъ, и послѣ обѣда обязатель-

но цѣловали, а онъ въ это время приговаривалъ «полно голубчикъ» или «полно, голубушка, полно». Когда былъ не въ духѣ, а онъ казался такимъ часто, онъ разсматривалъ съ большимъ вниманіемъ свои продолговатые ногти и, случалось, задумавшись, долго разсматривалъ ихъ. Онъ былъ очень добрый человѣкъ, но всегда былъ къ кому нибудь или чѣмъ нибудь недоволенъ. Онъ былъ остатокъ отъ людей до-Петровскаго времени; ненавидѣлъ всякую новизну, не любилъ шума, не любилъ веселья. Въ спальнѣ его всегда припахивало деревяннымъ масломъ отъ лампы, которая горѣла день и ночь предъ кіотомъ съ фамилнымъ саженымъ образомъ Св. Николая Чудотворца въ серебряной ризѣ; образъ этотъ въ 1812 году, когда французы были въ Москвѣ, зарытъ былъ въ Тороповѣ въ землю, какъ впрочемъ и многія другія вещи, которыми дорожили. Въ его домѣ не было ни драпировокъ, ни балконовъ, ни мягкой мебели; онъ сидѣлъ по утрамъ въ кабинетѣ у бюро съ башенками въ огромномъ, обитомъ черною кожею, жесткомъ креслѣ, принадлежавшемъ еще его праѣду и привезенномъ въ Торопово его отцомъ Венедиктомъ Александровичемъ, и читалъ Московскія вѣдомости или житіе святыхъ или русскія книги о покореніи Сибири, о татарскомъ игѣ, о взятіи Казани и т. п. Я хорошо помню большой изъ корель-

ской березы стеклянный шкафъ съ книгами въ его кабинетъ. Я стоялъ у этого шкапа когда дядюшка Сергѣй Ивановичъ, только что вернувшійся изъ Данилова, сообщалъ дѣду печальную новость — дуэль и смерть поэта Пушкина. Дядюшка, года черезъ два послѣ этого, подарилъ мнѣ сочиненія Пушкина, изданія 1838 года. Онъ отдалъ мнѣ также сердоликовую печать съ нашимъ гербомъ, которую онъ получилъ отъ своего дѣда и крестнаго отца и которую Венедиктъ Александровичъ носилъ на часахъ при французскомъ кафтанѣ. По вечерамъ дѣдушка игралъ въ бостонъ и громко сердился. Самъ ни къ кому не ѣздилъ, а домъ его былъ полонъ гостями. Многимъ изъ своихъ сосѣдей говорилъ «ты», а они ему «вы». Былъ набоженъ, въ домѣ его часто служили всенощныя, хотя церковь была въ двухъ шагахъ отъ дому; поповъ любилъ; съ мѣстнымъ Архіереемъ — Архіепископомъ Евгеніемъ былъ въ дружбѣ; выстроилъ на свой счетъ двѣ церкви: одну въ Кирохотѣ, надъ усыпальной Власевыхъ, а другую въ принадлежавшемъ ему селѣ Рыжиковѣ; распекалъ насъ внуковъ за то, что будто бы мы рѣдко крестимся въ церкви; бѣднымъ помогалъ; говорили, что ни одинъ нуждающійся не выходилъ изъ его кабинета безъ помощи; вина не пилъ, увѣрялъ, что онъ только разъ въ жизни въ полку (онъ былъ отставной подполковникъ) былъ пьянъ и тогда ему

казалось, что онъ все шагаль черезъ что-то высокое. За ужиномъ кушалъ супъ; послѣ обѣда съ полчаса отдыхаль подѣ высокимъ пологомъ. Жены прибаивался, но любилъ подтрунить надъ мужьями подѣ башмакомъ; любилъ рассказывать, какъ разѣ въ Москвѣ онъ прѣхаль къ какой-то графинѣ Апраксиной и услыхаль страшный шумъ въ прихожей; оказалось, что графа Апраксина съкутъ крѣпостные люди, а графиня командуетъ. «Прибавь ему матушка, прибавь» сказалъ дѣдушка, плюнулъ и уѣхаль.

Рассказываль также дѣдушка какъ въ 1812 году Великая Княгиня Екатерина Павловна, жившая тогда съ мужемъ въ Ярославѣ, поручила ему, какъ Даниловскому уѣздному предводителю дворянства, отвести двухъ ея сыновей: Павла и только что родившагося Петра, подальше отъ Наполеона, въ Даниловъ, какъ онъ каждую недѣлю ѣздилъ къ Великой Княгинѣ съ докладомъ о здоровьѣ дѣтей и какъ она, уѣзжая съ семействомъ изъ Ярославля, благодарила его и при этомъ сказала ему что-то въ родѣ слѣдующаго: «я буду счастлива быть вамъ полезной». Между тѣмъ, какъ мы знаемъ, дѣдушка не воспользовался этою милостію и ни её, ни сына ея Принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго никогда ни о чемъ не просилъ.

Рассказываль онъ также о происхожденіи гра-

фовъ Чернышевыхъ-Кругликовыхъ. Онъ говорилъ, что они происходятъ отъ побочнаго сына Филиппа Кругликова (какого Филиппа, я не помню, но изъ нашихъ), который былъ женатъ на единственной дочери сосланнаго въ Сибирь декабриста графа Захара Чернышева и къ своей вымышленной фамиліи Кругликова присоединилъ фамилію и гербъ графовъ Чернышевыхъ. Онъ взялъ за женой громадное состояніе.

Послѣ смерти своей Катеньки, какъ Иванъ Венедиктовичъ называлъ всегда бабушку, онъ началъ быстро слабѣть и скоро впалъ въ совершенное дѣтство,— сталъ рассказывать охотно и съ большими подробностями о фельдфебелѣ своего полка (онъ оставилъ военную службу 28-ми лѣтъ) и забывать самыя крупныя событія, недавно совершившіяся въ его глазахъ, напр. онъ забылъ свадьбу своего сына Николая Ивановича, который вѣнчался съ Варварою Николаевною Шустамской въ Торóповѣ и прожилъ у него въ домѣ съ своей молодой женой около мѣсяца: «хорошъ Николай», говаривалъ дѣдушка, получая отъ него письма, «хорошъ, женился и жены не покажетъ». Шустамскіе жили всегда въ Ярославлѣ въ шестидесяти верстахъ отъ Торóпова, а такъ какъ мать Варвары Николаевны Александра Андреевна, рожденная Перфильева, была двоюродная сестра моей матери, то Шустамскіе, для свадьбы, пріѣхали къ намъ въ Оедино, которое было

только въ восьми верстахъ отъ Торóпова, гдѣ жилъ мой дѣдъ и гдѣ ожидалъ Варвару Николаевну ея женихъ. Я, въ студентскомъ мундирѣ, былъ ея шаферомъ.

Дѣдушка скончался въ 1850 году тихо, безъ страданій, на 83 году жизни. Онъ никогда не ходилъ обѣдать иначе, какъ выпивъ сладкой анисовой водки, которую человѣкъ подавалъ ему всегда въ маленькомъ граненомъ графинѣ на маленькомъ серебряномъ подносѣ и которой онъ всегда старался налить, какъ можно менѣе въ рюмку. Выпилъ дѣдушка водки, покушалъ за обѣдомъ ухи изъ ершей и желе изъ лимона, спросилъ своего камердинера «Борисъ, а что на дворѣ (т. е. какая погода)», пошелъ послѣ обѣда, по обыкновенію, отдохнуть, легъ, вздохнулъ и конецъ.

Почтенный нашъ духовникъ отецъ Іоаннъ, при погребеніи дѣда, сказалъ сквозь слезы: «если бы Господу Богу угодно было даровать Ивану Венедиктовичу жизнь еще болѣе продолжительную, то въ нашемъ приходѣ не осталось бы ни одного нищаго».

Про княгиню Авдотью Сергѣевну я ничего не знаю. Её уже не было въ живыхъ, когда я сталъ себя помнить. У мужа ея князя Дмитрія Михайловича, роднаго дяди Княгини Радзивиль, графини Уваровой и княгини Горчаковой, былъ въ деревнѣ театръ и труппа крѣпостныхъ актеровъ. Я воображаю хороши были эти *jeunes premiers*, эти балерины,

когда знали, что послѣ спектакля, и даже во время антракта ихъ могли отпороть. Я думаю, они были хороши въ трагедіи.

Теперь перехожу къ предкамъ моей матери.

Прадѣдъ мой Александръ Андреевичъ Волковъ былъ родомъ изъ дворянъ Ярославской губерніи, гдѣ у него было тысячи двѣ душъ крестьянъ, но жилъ постоянно въ Петербургѣ. Онъ имѣлъ чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и былъ директоромъ Императорскаго фарфороваго завода. Послѣ него осталось много фарфору *vieux-saxe*. Супруга его Екатерина Даниловна, рожденная Канищева, имѣла семь тысячъ душъ крестьянъ; была модница и большая кокетка; спала въ холодной комнатѣ и въ перчаткахъ; брала ванны изъ молока. При Императорѣ Павлѣ часто ѣздила ко Двору. *La chronique scandaleuse dit, que Плещеевъ, un des favoris de Paul, a été á ses pieds. Je dis ça en français pour que les gens ne m'entendent pas et tout de même les gens disent, qu'elle n'a eu de légitimes, que ses aînés: mon grand-père e ses deux soeurs — М-те Игнатъевъ et М-те Перфильевъ.* — Екатерина Даниловна продавала свои родовыя имѣнія, а бабушка Екатерина Сергѣевна обращала ихъ въ свои благопріобрѣтенныя.

Родная сестра моего прадѣда Анна Андреевна Муравьева была бабка графа Муравьева, бывшаго Виленскаго генералъ-губернатора. Въ нашемъ

сѣмействѣ сохранилось преданіе, что Анна Андреевна была зла. Моя мать названа была Анной въ честь ея, но изъ свойствъ своей внучатной тётки она унаслѣдовала только ея нижнюю губу, которая выдавалась впередъ когда она задумывалась. Эта губа перешла и къ нѣкоторымъ изъ внуковъ моей матери.

Послѣ моего прадѣда осталось десять человѣкъ дѣтей: два сына — Аполмонъ Александровичъ (мой дѣдъ) и Александръ Александровичъ и восемь дочерей — Перфильева, Игнатьева, Муханова, Саблукова, княгиня Баратаева, Озерова и Миллеръ. Фамиліи одной изъ дочерей моего прадѣда я не помню.

Про моего дѣда можно было сказать «и съ помощью сестрицъ со всей Европой породнился», но онъ десятками лѣтъ не видался съ ними: онѣ жили далеко, а онъ изъ Покровскаго (своего Ярославскаго имѣнія) ни-шагу.

Младшія дочери Екатерины Даниловны Марья Александровна Озерова и Прасковья Александровна Миллеръ были фрейлинами Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Я зналъ дочь Прасковьи Александровны Софью Ивановну Рахманову. Она была рано и долго вдовой и была премилая и прелюбезная Московская свѣтская дама. Императоръ Александръ II, когда былъ Наслѣдникомъ, слегка за ней ухаживалъ;

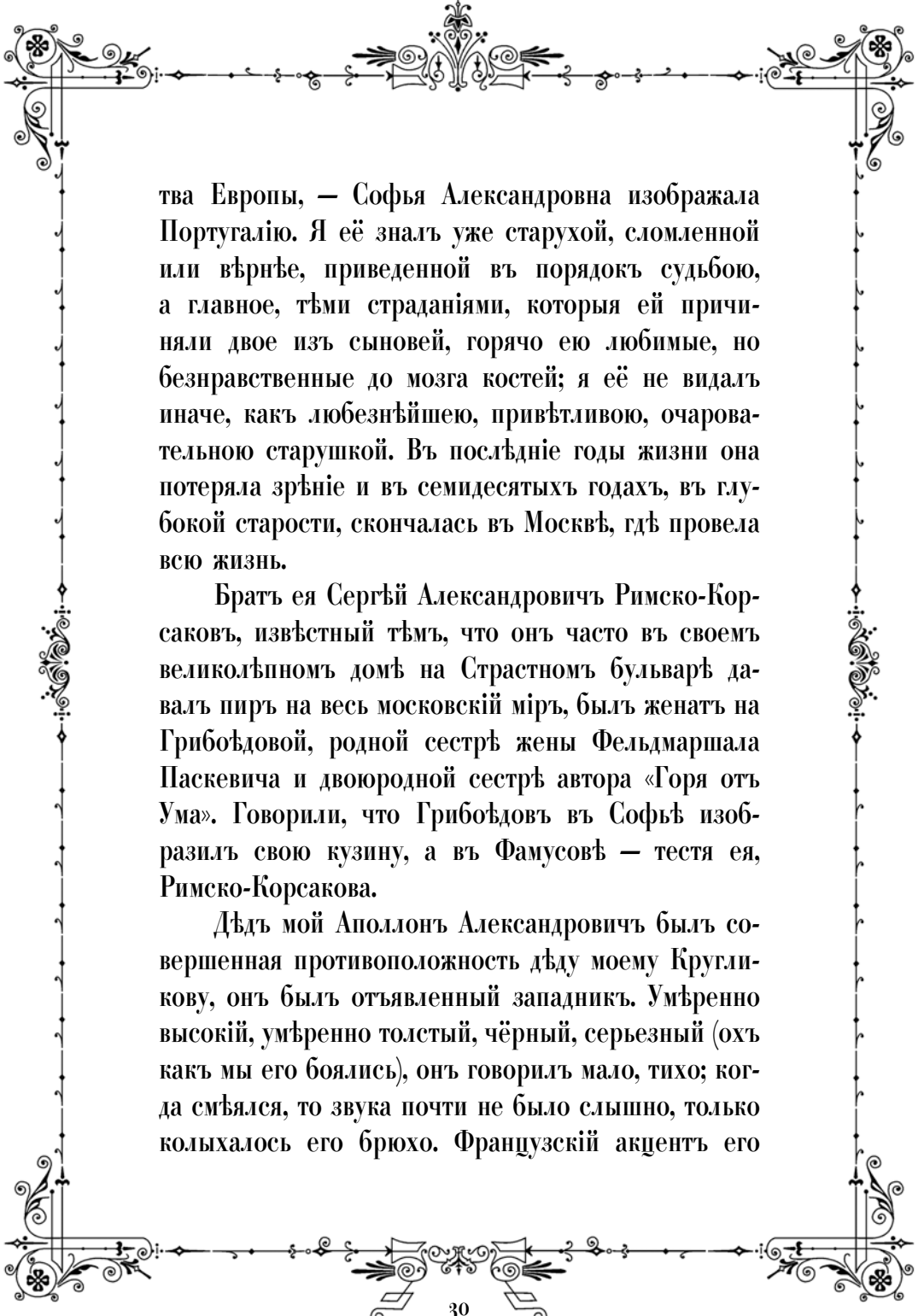
въ Москвѣ его коляску выдали у ея подъѣзда. Послѣ Рахманова у ней осталась одна дочь и очень хорошее состояніе; потомъ, выйдя лѣтъ сорока не менѣе во второй разъ замужъ за князя Оболенскаго, она родила пять человѣкъ дѣтей. Смерть ея была ужасна: въ деревнѣ въ Харьковской губерніи она у открытаго окна вышивала въ пяльцахъ, муха укусила её въ щёку и черезъ нѣсколько часовъ её не стало. Отецъ Софьи Ивановны былъ когда-то Тульскимъ губернаторомъ, а дѣдушка ея Миллеръ былъ токаремъ, выписаннымъ изъ Германіи по случаю сооруженія какого-то иконостаса. Дочь ея — Рахманова замужемъ за графомъ Апраксинымъ, владѣльцемъ Апраксина двора въ Петербургѣ. Дочь Марьи Александровны Озеровой Надежда Петровна была замужемъ за Базилевскимъ, богатымъ помѣщикомъ Полтавской губерніи, а внучка ея фрейлина Озерова состоитъ при Императрицѣ. Правнукъ Перфильевой Владиміръ Анзельмовичъ Лыщинскій женатъ на дочери статсъ-секретаря Эдуарда Васильевича Фриша. Игнатьевы весьма достаточные помѣщики Череповецкаго уѣзда, одинъ изъ нихъ былъ недавно Архангельскимъ губернаторомъ. О потомствѣ остальныхъ сестеръ моего дѣда я ничего не знаю.

Братъ моего дѣда Александръ Александровичъ Волковъ, также какъ и мой дѣдъ, учился въ Дерптѣ. Въ 1812-мъ году онъ былъ полицеймейстеромъ, въ

1816-мъ — комендантомъ, а въ 1826-мъ — начальникомъ жандармскаго округа въ Москвѣ. Жихаревъ въ своихъ «Запискахъ Студента» хвалить умъ Александра Александровича, а Михаилъ Антоновичъ Маркусъ, рассказывая мнѣ однажды что-то о Москвѣ, сказалъ «А. А. Волковъ хорошо говорилъ по-нѣмецки». Отъ своихъ я слыхалъ, что онъ былъ бѣшено вспыльчивъ, фальшивъ и хитеръ. Вспыльчивость его доходила до того, что, случалось, онъ хваталъ нагайку со стѣны когда жена его, молодая и прелестная женщина, не соглашалась исполнить тотчасъ его желаніе — сѣсть за фортепіано и пѣть. И такое безобразіе творилъ человѣкъ, знакомый съ французскими энциклопедистами и читавшій Шиллера и Гёте въ оригиналѣ. Это можетъ быть объяснено только татарщиной, искоренить которую ни энциклопедисты, ни Шиллеръ, ни Гёте не были въ силахъ. Въ 1823 г. онъ ѣздилъ съ женой и двумя дочерьми — Екатериной и Варварой Александровнами на своихъ лошадяхъ изъ Москвы въ Парижъ и, продавъ лошадей *à la barrière de Paris*, выручилъ всѣ деньги, истраченные какъ на покупку ихъ въ Россіи, такъ и на ихъ кормъ въ дорогѣ. Въ Парижѣ откланялся ему пріѣхавшій съ нимъ крѣпостной его поваръ, который впослѣдствіи открылъ тамъ гостиницу подъ названіемъ *Hôtel du Nord*. Тамъ прожили Волковы три года, истратили сто тысячъ ру-

блей (каждый изъ нихъ, и мужъ и жена имѣли хорошее состояніе) и родили сына, котораго отдавали кормить въ деревню около Парижа; обѣ ихъ дочери ходили учиться въ пансіонъ. Екатерина Александровна, потерявшая носъ отъ кормилицы, зараженной дурною болѣзнію, была умна и очень экзальтирована: съ жаромъ, на языкѣ Расина, говорила о любви и носила монашеское одѣяніе; подъ старость, она въ Іерусалимѣ постриглась въ монахини. Варвара Александровна въ концѣ 20-хъ годовъ была сдѣлана фрейлиной. Въ 1833 году Александръ Александровичъ сошелъ съ-ума и скорѣ умеръ.

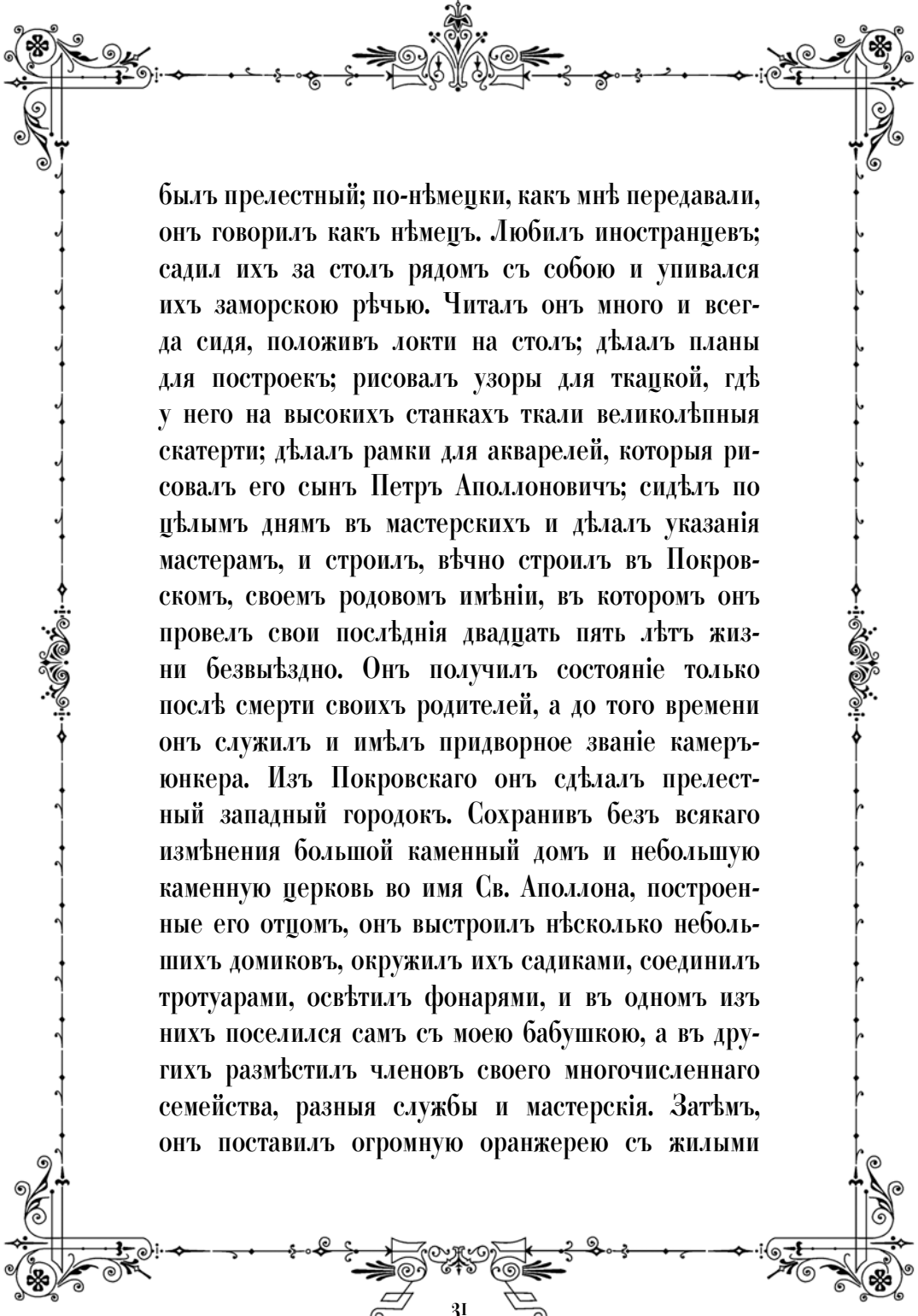
Всѣ мои, сравнивая Александра Александровича съ моимъ дѣдомъ, отдавали предпочтеніе послѣднему, такъ какъ дѣдъ мой, хотя и не всегда былъ вѣренъ моей бабушкѣ и хотя любилъ подчасъ и кутнуть, но всегда былъ прямодушенъ и искрененъ и въ обращеніи съ женой безукоризненно галантенъ. Александръ Александровичъ былъ женатъ на Софѣ Александровнѣ Римско-Корсаковой. Говорили, что она, въ молодости, была безобразно горда и безпощадна къ недостаткамъ другихъ, хотя ея сынки были далеко небезупречны. Говорили также, что она была очень хороша. Въ 1812 году, по выходѣ французовъ изъ Москвы, въ домѣ ея отца были живыя картины, въ которыхъ первыя красавицы Москвы изображали разныя государс-

тва Европы, — Софья Александровна изображала Португалию. Я её зналъ уже старухой, сломленной или вѣрнѣе, приведенной въ порядокъ судьбою, а главное, тѣми страданіями, которыя ей причиняли двое изъ сыновей, горячо ею любимые, но безнравственные до мозга костей; я её не видалъ иначе, какъ любезнѣйшею, привѣтливою, очаровательною старушкой. Въ послѣдніе годы жизни она потеряла зрѣніе и въ семидесятихъ годахъ, въ глубокой старости, скончалась въ Москвѣ, гдѣ провела всю жизнь.

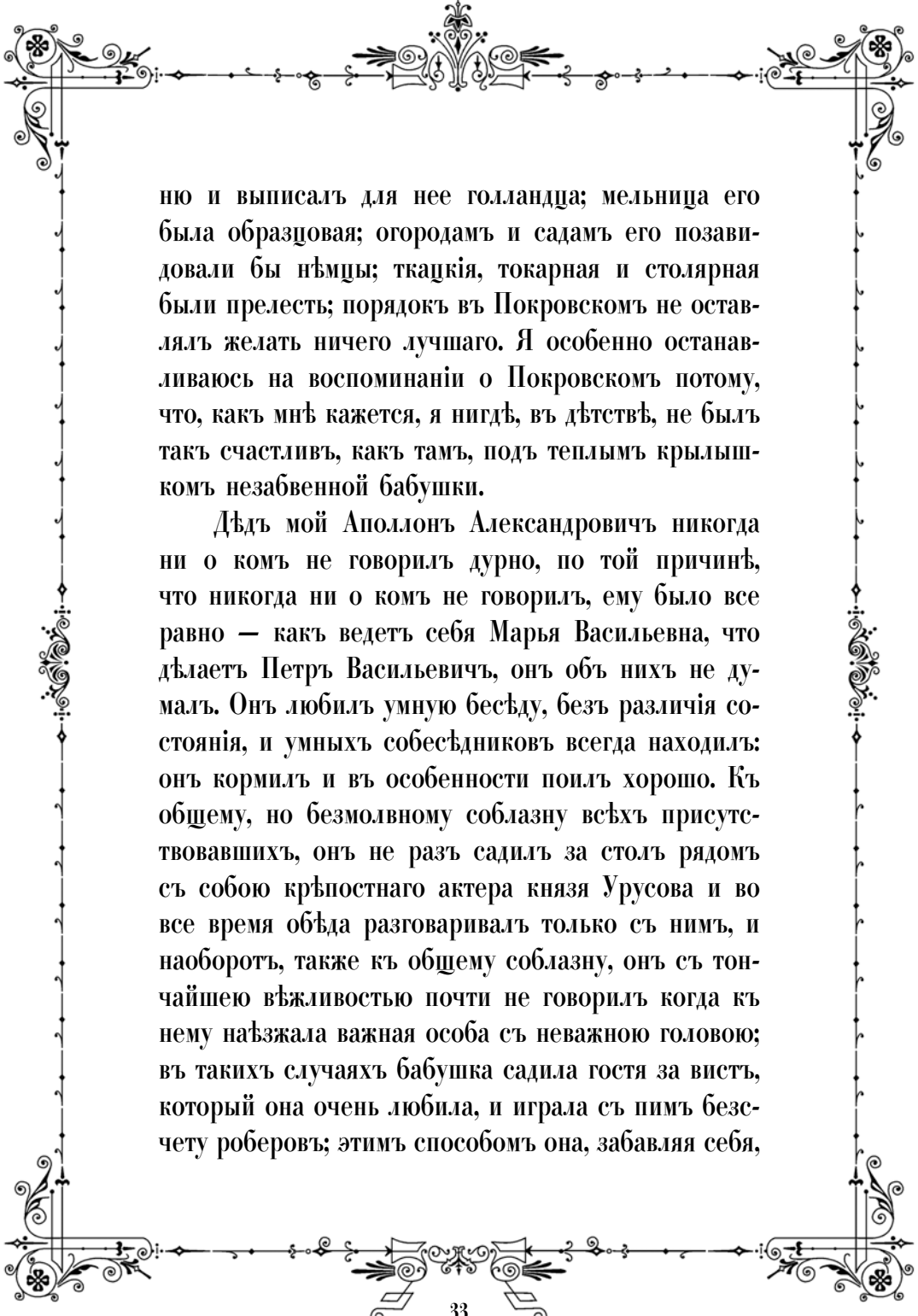
Братъ ея Сергѣй Александровичъ Римско-Корсаковъ, извѣстный тѣмъ, что онъ часто въ своемъ великолѣпномъ домѣ на Страстномъ бульварѣ давалъ пиръ на весь московскій міръ, былъ женатъ на Грибоѣдовой, родной сестрѣ жены Фельдмаршала Паскевича и двоюродной сестрѣ автора «Горя отъ Ума». Говорили, что Грибоѣдовъ въ Софѣѣ изобразилъ свою кузину, а въ Фамусовѣ — тестя ея, Римско-Корсакова.

Дѣдъ мой Аполлонъ Александровичъ былъ совершенная противоположность дѣду моему Кругликову, онъ былъ отъявленный западникъ. Умѣренно высокій, умѣренно толстый, чѣрный, серьезный (охъ какъ мы его боялись), онъ говорилъ мало, тихо; когда смѣялся, то звука почти не было слышно, только колыхалось его брюхо. Французскій акцентъ его

былъ прелестный; по-нѣмецки, какъ мнѣ передавали, онъ говорилъ какъ нѣмецъ. Любилъ иностранцевъ; садилъ ихъ за столъ рядомъ съ собою и упивался ихъ заморскою рѣчью. Читалъ онъ много и всегда сидя, положивъ локти на столъ; дѣлалъ планы для построекъ; рисовалъ узоры для ткацкой, гдѣ у него на высокихъ станкахъ ткали великолѣпныя скатерти; дѣлалъ рамки для акварелей, которыя рисовалъ его сынъ Петръ Аполлоновичъ; сидѣлъ по цѣлымъ днямъ въ мастерскихъ и дѣлалъ указанія мастерамъ, и строилъ, вѣчно строилъ въ Покровскомъ, своемъ родовомъ имѣнiи, въ которомъ онъ провелъ свои послѣднiя двадцать пять лѣтъ жизни безвыѣздно. Онъ получилъ состоянiе только послѣ смерти своихъ родителей, а до того времени онъ служилъ и имѣлъ придворное званiе камеръ-юнкера. Изъ Покровскаго онъ сдѣлалъ прелестный западный городокъ. Сохранивъ безъ всякаго измѣненiя большой каменный домъ и небольшую каменную церковь во имя Св. Аполлона, построенныя его отцомъ, онъ выстроилъ нѣсколько небольшихъ домиковъ, окружилъ ихъ садиками, соединилъ тротуарами, освѣтилъ фонарями, и въ одномъ изъ нихъ поселился самъ съ моею бабушкою, а въ другихъ размѣстилъ членовъ своего многочисленнаго семейства, разныя службы и мастерскiя. Затѣмъ, онъ поставилъ огромную оранжерею съ жилыми

покоюми для гостей и обширную залю, въ которой ѣли, пили, пѣли, танцовали и веселились безъ конца. Тамъ бывали домашніе спектакли и живыя картины, которыя уставлялъ самъ дѣдъ или сынъ его Петръ Аполлоновичъ. Часто въ Покровскомъ бывали кавалькады; иногда бывали бѣшенныя скачки во весь опоръ четверки, заложенной въ рессорную чрезвычайно оригинальную дѣдушкину бричку, въ которую онъ однако почти никогда не садился; если онъ изрѣдка и выѣзжалъ, то всегда на бѣговыхъ дрожкахъ и на иноходцѣ. Разъ, онъ взялъ меня съ собой: я сѣлъ сзади верхомъ и ухватился за него; когда онъ пустилъ своего иноходца, я нашелъ, что мы летимъ, какъ птица, и что дрожки сильно трясутъ, и тутъ же рѣшилъ, что никогда въ жизни на бѣговыя дрожки болѣе не сяду. Въ торжественныхъ случаяхъ, въ саду, за прудами, сожигали фейерверки. Дѣдъ любилъ все новое, эксцентричное, напр., онъ требовалъ, чтобы его дочери ѣздили верхомъ и моя бѣдная мать, страшная трусиха, должна была, дѣвицей, садиться на лошадь; дочь его Марья Аполлоновна, чрезвычайно на него похожая и которую онъ очень любилъ, травила зайцевъ съ борзыми. Самъ онъ былъ отличный стрѣлокъ и любилъ ходить на дупелей и бекасовъ съ Альфонсомъ, своей любимой лягавой собакой. Онъ посылалъ въ Холмогоры за рогатымъ скотомъ; выстроилъ сыровар-

ню и выписалъ для нее голландца; мельница его была образцовая; огородамъ и садамъ его позавидовали бы нѣмцы; ткацкія, токарная и столярная были прелесть; порядокъ въ Покровскомъ не оставлялъ желать ничего лучшаго. Я особенно останавливаюсь на воспоминаніи о Покровскомъ потому, что, какъ мнѣ кажется, я нигдѣ, въ дѣтствѣ, не былъ такъ счастливъ, какъ тамъ, подъ теплымъ крылышкомъ незабвенной бабушки.

Дѣдъ мой Аполлонъ Александровичъ никогда ни о комъ не говорилъ дурно, по той причинѣ, что никогда ни о комъ не говорилъ, ему было все равно — какъ ведетъ себя Марья Васильевна, что дѣлаетъ Петръ Васильевичъ, онъ объ нихъ не думалъ. Онъ любилъ умную бесѣду, безъ различія состоянія, и умныхъ собесѣдниковъ всегда находилъ: онъ кормилъ и въ особенности поилъ хорошо. Къ общему, но безмолвному соблазну всѣхъ присутствовавшихъ, онъ не разъ садилъ за столъ рядомъ съ собою крѣпостнаго актера князя Урусова и во все время обѣда разговаривалъ только съ нимъ, и наоборотъ, также къ общему соблазну, онъ съ тончайшею вѣжливостью почти не говорилъ когда къ нему наѣзжала важная особа съ неважною головою; въ такихъ случаяхъ бабушка садила гостя за вистъ, который она очень любила, и играла съ нимъ безсчета роберовъ; этимъ способомъ она, забавляя себя,

искупляла грѣхи своего мужа.

Дѣдушка въ послѣдніе годы жизни сталъ изрѣдка играть въ карты и то только въ палки; выигрышъ онъ бралъ не иначе, какъ золотыми, которые опускалъ въ особую бутылку. Онъ никогда не имѣлъ долговъ. Всѣми дѣлами по имѣніямъ (ихъ было нѣсколько въ Ярославской и нѣсколько въ Новгородской губерніяхъ) занималась бабушка. Дѣдушка жилъ такъ, какъ будто у него было только одно Покровское безъ полей, луговъ и лѣсовъ, а шкатулка бабушки — его казначейство.

Дѣдушка родился въ Петербургѣ 12 Декабря 1777 года въ ту ночь, когда пушечными выстрѣлами объявили жителямъ столицы о рожденіи у Императрицы Екатерины II-й внука Александра. Скончался онъ въ 1839 году.

Прадѣдъ мой Николай Ивановичъ Ушаковъ, отецъ моей бабки Волковой, всегда жилъ въ Петербургѣ, а жена его съ дѣтмъ жила постоянно въ деревнѣ; онъ только наѣздомъ бывалъ въ Оединѣ. О немъ я знаю только то, что онъ былъ дѣйствительный статскій совѣтникъ, что онъ имѣлъ хорошее состояніе, что для воспитанія дѣтей своихъ онъ привезъ изъ Петербурга въ Оедино самъ гувернера-француза и что онъ выстроилъ въ Оединѣ громаднѣйшій деревянный домъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, съ крытыми подъѣздами и каменными колоннами.

Одино было куплено моимъ отцомъ отъ дяди моего Александра Аполлоновича Волкова, получившаго его по наслѣдству отъ матери своей, моей бабки, Александры Николаевны. Одино было куплено въ 1844 году, послѣ смерти моей бабки Кругликовой, когда я уже учился въ Петербургѣ. Въ немъ поселились мои родители и жили постоянно; но я бывалъ тамъ только по лѣтамъ и никогда его не любилъ. Теперь оно принадлежитъ, вслѣдствіе завѣщанія моего отца, двумъ моимъ сестрамъ, не вышедшимъ замужъ, Натальѣ и Марьѣ Павловнамъ. Большой домъ былъ ими разобранъ и проданъ, и на вырученныя деньги выстроено не большой, но уютный домикъ, въ которомъ онѣ теперь и проживаютъ.

Николай Ивановичъ былъ женатъ на дочери помѣщика, также Ярославской губерніи, Екатеринѣ Васильевнѣ Теляковской. Я сомнѣваюсь, чтобы маленькій военный инженеръ генералъ-лейтенантъ Теляковскій былъ въ родствѣ съ нами. Его мать, очень небогатую помѣщицу Ярославской губерніи, любила моя бабушка Александра Николаевна, но никогда не считала её своею роднею, а братъ моей бабушки Павелъ Николаевичъ Ушаковъ, отличный родной вообще, и не подозрѣвалъ, кажется, о существованіи Теляковского. Семейство Теляковскихъ жило въ своемъ имѣніи въ верстахъ двухъ отъ Покровскаго. Аркадія Захарыча, которому теперь болѣе

до лѣтъ, я помню молодымъ офицеромъ, впрочемъ, маленькія собачки до старости щенки. Онъ пѣвалъ въ Покровскомъ очень тоненькимъ голоскомъ, аккомпанируя себе на клавикордахъ, «ѣхали купцы изъ Касимова». Въ альбомѣ моей матери написали: «отчего я не уродъ; отчего не на-боку мой ротъ»; тогда кавалеры подходили къ ручкѣ къ дамамъ, а тѣ цѣловали ихъ въ щёку.

Екатерина Васильевна была единственная моя прабабушка, которая держала меня на рукахъ. Мнѣ было три года когда она умерла. Я её не помню.

Бабка моя Александра Николаевна Волкова, рожденная Ушакова, была добрейшее существо. Насъ внучатъ любила, ласкала и баловала. Стоило только подлѣзть подъ пальцы, гдѣ она вышивала бисеромъ, устроиться на ея скамеечкѣ и оттуда завести съ ней разговоръ, — что однако было нелегко, такъ какъ она, работая, постоянно попѣвала, — и тогда можно было смѣло идти въ огородъ и быть увѣреннымъ, что садовникъ не выгонитъ изъ малины. И такая она была хорошенькая, бѣленькая, румяная; кажется, по старой модѣ, немножко подрумянивалась.

Дѣдушка похитилъ её когда ей было 16 лѣтъ и обвинчался съ нею безъ согласія ея родителей. — Въ началѣ нынѣшняго столѣтія похищенія невѣстъ были въ большомъ ходу. Разставлялись по дорогѣ тройки, удалые пріятели переодѣвались кучерами и

влюбленный женихъ, добывшій свою невѣсту разными ухищреніями, мчался съ нею въ церковь не по землѣ, а по седьмому небу.

Не могу не разсказать слѣдующій странный случай. У бабушки Александра Николаевны было два брата — Павелъ Николаевичъ и Сергій Николаевичъ. Оба они начали службу въ началѣ царствованія Императора Павла, — первый въ измайловскомъ полку, а второй въ кавалергардахъ. Разъ, во время войнъ съ Наполеономъ, бабушка видѣла сонъ: — большое сраженіе; Серёжа убитъ. — Потомъ узнали, что наканунѣ той ночи, когда бабушка видѣла сонъ, дрались подъ Лейпцигомъ и что Сергій Николаевичъ убитъ. Во время сраженія онъ былъ произведенъ въ генераль-лейтенанты, а послѣ сраженія тѣло его нашли подъ грудой убитыхъ солдатъ. Скончалась Александра Николаевна вслѣдъ за своимъ мужемъ, въ котораго была влюблена до конца жизни.

Братъ ея Павелъ Николаевичъ былъ генераль отъ инфантеріи и генераль-адъютантъ. При взятіи Варны въ Турецкую войну 1829 года онъ первый перелѣзъ чрезъ стѣну и вошелъ въ крѣпость. Императоръ Николай, слѣдившій за дѣйствіями нашихъ войскъ съ корабля, былъ восхищенъ такою храбростію и пожаловалъ Ушакову Георгія на шею; за тѣмъ, при первомъ же случаѣ, обнялъ

его и сказалъ: «Ушаковъ, я каждый день молюсь за тебя». Это однако не помѣшало Николаю Павловичу, не за преступленіе, а за ошибку, поступить строго съ Ушаковымъ. Въ 1853 году Павелъ Николаевичъ былъ предсѣдателемъ комитета о раненыхъ; директоромъ канцеляріи комитета былъ извѣстный тогда своею роскошною жизнью тайный совѣтникъ Александръ Гавриловичъ Политковскій. Суммы комитета, по существовавшему тогда вообще порядку, хранились въ комитетѣ въ сундукахъ наличными деньгами и билетами заемнаго банка, и Политковскій запускать туда руку. При ревизіяхъ онъ не показывалъ оборотную сторону билетовъ, гдѣ были надписи банка о выданныхъ ему деньгахъ, а убыль въ наличныхъ капиталахъ пополнялъ деньгами Ивана Алексѣевича Яковлева, извѣстнаго тогда богача. Ушаковъ и члены комитета, не подозрѣвая мошенничествъ Политковскаго, пользовавшагося особымъ расположеніемъ военнаго министра князя Чернышева, изъ ложной учтивости не брали билетовъ въ руки. Въ Февралѣ 1853 года умеръ казначей комитета, сообщникъ Политковскаго; въ тотъ же день Политковскій отравилъ себя ядомъ, который носилъ постоянно въ перстнѣ. Новый казначей явился къ Павлу Николаевичу и доложилъ, что въ кассѣ недостаетъ милліона ста четырнадцати тысячъ рублей. Я помню этотъ день,— это было

ужасно. Павелъ Николаевичъ доложилъ объ этомъ немедленно военному министру, а тотъ — Государю. Сказывали, что Николай Павловичъ крикнулъ во весь Зимній Дворецъ «что бы я далъ, чтобъ Политковскій былъ теперь въ моихъ рукахъ». Въ это время тѣло Политковского везли хоронить чрезъ Тихвинъ въ Ярославскую губернію; Государь приказалъ вернуть тѣло и надѣтъ на него солдатскую шинель. Въ то же время, Иванъ Алексѣевичъ Яковлевъ, послѣ визита, сдѣланнаго ему Леонтіемъ Васильевичемъ Дубельтомъ, бывшимъ тогда начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, пожертвовалъ въ пользу инвалидовъ милліонъ рублей. Яковлева за это пожертвованіе произвели изъ титулярныхъ въ коллежскіе совѣтники и сдѣлаи камергеромъ и кавалеромъ ордена Св. Владиміра 3-й степени; а Павла Николаевича лишили званія генераль-адъютанта, и генераль-адъютантъ Катенинъ, со слезами на глазахъ, взялъ у него шпагу и отвезъ его въ Петропавловскую крѣпость. По приговору суда онъ былъ исключенъ изъ службы; но Богъ исключилъ его изъ числа мучениковъ и 1 Мая 1853 года призвалъ его къ себѣ.

Въ домѣ Павла Николаевича я чувствовалъ себя также хорошо, какъ въ домѣ отца. Онъ былъ ко мнѣ всегда чрезвычайно добрѣ, а по окончаніи мною въ 1849 году курса въ С.-Петербургскомъ

университетѣ, онѣ принялъ самое теплое участіе въ моей судьбѣ: самѣ избралъ мнѣ мѣсто службы, а именно второе отдѣленіе собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи, и поѣхалъ къ графу Блудову, бывшему въ то время главноуправляющему этимъ отдѣленіемъ, съ просьбою о моемъ опредѣленіи; тотѣ отказалъ, ссылаясь на то, что назначеніе молодыхъ людей во II-е отдѣленіе зависитъ непосредственно отъ Государя Императора; тогда Павелъ Николаевичъ поѣхалъ къ Юрьевичу, бывшему воспитателю Наслѣдника, поѣхалъ къ самому Наслѣднику и съ письмомъ будущаго Императора Александра II-го пріѣхалъ къ Блудову.

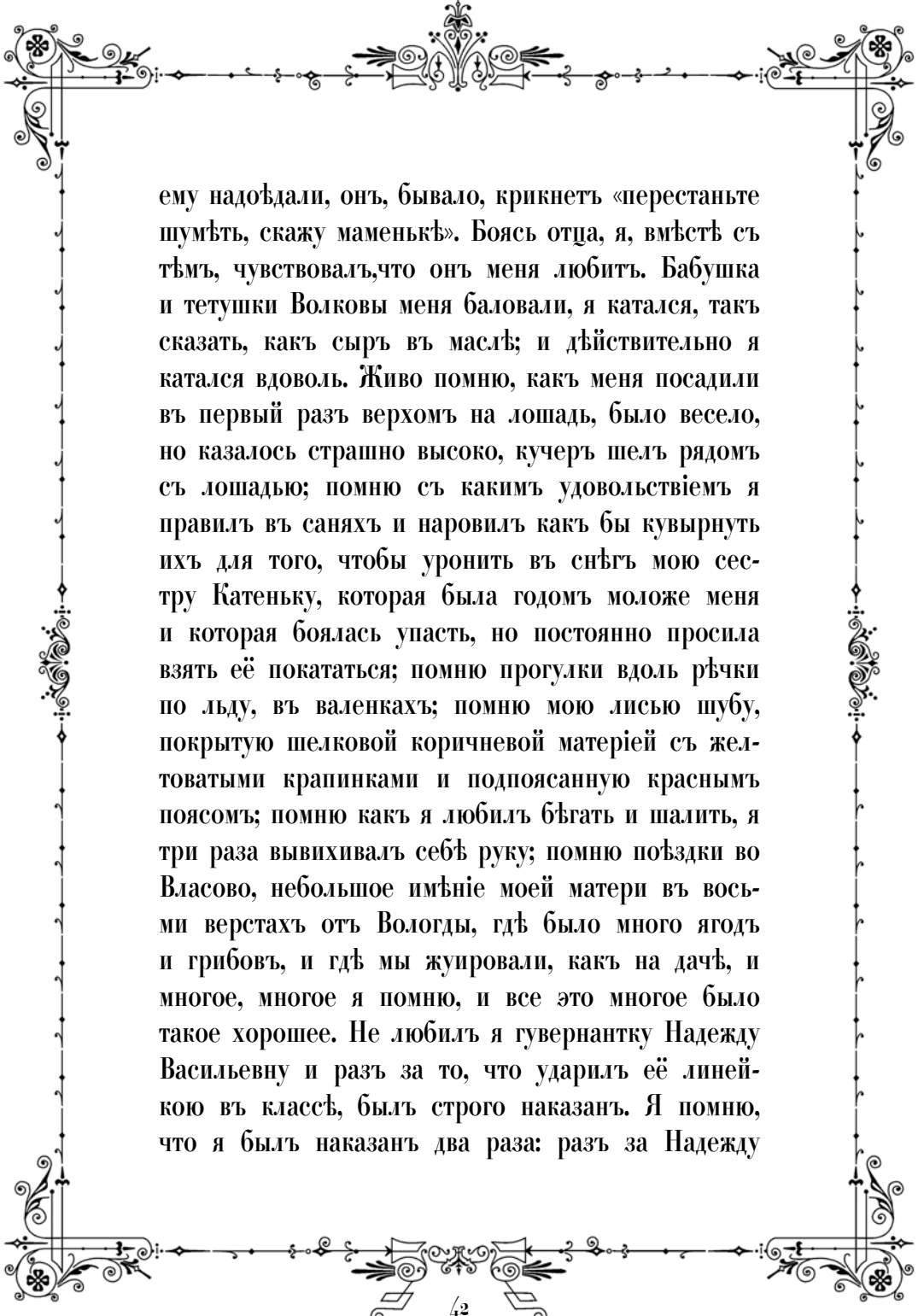
Павелъ Николаевичъ былъ наиболѣе уважаемый челоѣкъ въ мірѣ. Положительно можно сказать, что онѣ зла никому не желалъ, а добро, сколько могъ, всегда дѣлалъ. Лицомъ былъ чрезвычайно похожъ съ своею сестрою Александрою Николаевною. Это сходство меня поразило, когда я по пріѣздѣ въ Петербургъ, въ 1844 году, увидѣлъ его въ первый разъ. Онѣ былъ челоѣкъ изящный въ полномъ смыслѣ слова; челоѣкъ времени начала царствованія Александра I-го.

Жена его Софья Гавриловна, рожденная Родзянко, родная тѣтка моей жены, была олицетвореніе всего прекраснаго: глубокой набожности, безграничной преданности мужу, любви къ дѣтямъ и люб-

ви къ ближнему. Софья Гавриловна вышла замужъ изъ-ти лѣтъ и имѣла четырнадцать человѣкъ дѣтей, изъ коихъ одиннадцать умерли въ самомъ первомъ возрастѣ. Скончалась она отъ удара въ постелѣ, ночью на 24 Февраля 1877 года, — 74-хъ лѣтъ.

У моей бабки Волковой, кромѣ двухъ братьевъ, была еще сестра Варвара Николаевна, которая пролежала на полу въ Потыкинѣ — имѣніи своей матери, сорокъ лѣтъ сумасшедшей. Братъ ея Павелъ Николаевичъ писалъ ей иногда письма, которыя она нераспечатанными клала къ себѣ подъ подушку.

Съ воспоминаніемъ о Покровскомъ оживаетъ въ моей памяти представленіе о годахъ моего дѣтства. Чудная вещь — эта память; въ ней, какъ будто въ ящикѣ съ механизмомъ, лежитъ прошлое; не тронь механизма, и прошлаго, какъ будто, и не было, но чуть коснешься пружины, т. е. начнешь припоминать, и воскреснутъ передъ тобою образы, имена, событія.— Дѣтство мое было найсчастливѣйшимъ въ мірѣ. Мать меня любила такъ, какъ, я думаю, болѣе любить свое дитя невозможно. Пока я не началъ учиться, она всюду брала меня съ собою. Когда въ каретѣ я спалъ на ея рукѣ и когда рука ея нѣмѣла отъ неподвижности, она все-таки ею не двигала, боясь разбудить меня. Отца я прибаивался, хотя онъ никогда насъ не наказывалъ, а когда мы

ему надоѣдали, онъ, бывало, крикнетъ «перестаньте шумѣть, скажу маменькѣ». Боясь отца, я, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствовалъ, что онъ меня любитъ. Бабушка и тетушки Волковы меня баловали, я катался, такъ сказать, какъ сыръ въ маслѣ; и дѣйствительно я катался вдоволь. Живо помню, какъ меня посадили въ первый разъ верхомъ на лошадь, было весело, но казалось страшно высоко, кучеръ шелъ рядомъ съ лошадыю; помню съ какимъ удовольствіемъ я правилъ въ саняхъ и наровилъ какъ бы кувырнуть ихъ для того, чтобы уронить въ снѣгъ мою сестру Катеньку, которая была годомъ моложе меня и которая боялась упасть, но постоянно просила взять её покататься; помню прогулки вдоль рѣчки по льду, въ валенкахъ; помню мою лисью шубу, покрытую шелковой коричневой матеріей съ желтоватыми крапинками и подпоясанную краснымъ поясомъ; помню какъ я любилъ бѣгать и шалить, я три раза вывихивалъ себѣ руку; помню поѣздки во Власово, небольшое имѣніе моей матери въ восьми верстахъ отъ Вологды, гдѣ было много ягодъ и грибовъ, и гдѣ мы жуировали, какъ на дачѣ, и многое, многое я помню, и все это многое было такое хорошее. Не любилъ я гувернантку Надежду Васильевну и разъ за то, что ударилъ её линейкою въ классѣ, былъ строго наказанъ. Я помню, что я былъ наказанъ два раза: разъ за Надежду

Васильевну, а другой за то, что плюнулъ Мохову (старому буфетчику) въ глаза. Надежда Васильевна была пожилая вдова изъ дворянокъ, окончившая курсъ въ Смольномъ монастырѣ, — знала плоховато французскій и нѣмецкій языки и по ночамъ напивалась одеколономъ, а днемъ часто бывала съ головою болью и съ капризами. Бабушка Екатерина Сергѣевна, не знаю почему, но была къ ней милостиво расположена, играла съ ней по вечерамъ въ кабалу, и когда отецъ отказалъ ей, оставила её при насъ на свой счетъ, но платила ей, кажется, не болѣе, какъ въ теченіи двухъ мѣсяцевъ, непріятность расхода взяла верхъ надъ пріятностью играть въ кабалу, и Надежда Васильевна была отправлена въ Москву. Замѣнившаго её гувернера Детомба я очень любилъ; это была прекрасная личность — умный, живой, честный и добрый. Какъ теперь вижу его *petite grammairre*, имъ самимъ для дѣтей составленную и имъ же переписанную прекраснымъ почеркомъ; помню какъ онъ насъ мучилъ на *participes passés*, заставляя писать цѣлыя тетради. Помню его уроки алгебры и геометріи; пифагоровы штаны меня особенно занимали. Впослѣдствіи, при вступительномъ экзаменѣ въ университетъ (куда я поступилъ прямо изъ дому по милости Детомба и профессоровъ Демидовскаго лицея, — не забуду никогда профессора Потемкина), я на экзаменѣ

изъ математики сконфузился, забылся и какое-то алгебраическое опредѣленіе сказалъ по-французски; профессоръ спросилъ меня «развѣ вы учились математикѣ по-французски», я ему отвѣтилъ «да», «французы — хорошіе математики» пробормоталъ профессоръ. Любилъ я слушать, какъ *Destombes* декламировалъ произведенія Корнеля и комп. Любилъ его анекдоты, рассказы, остроты, а у него ихъ былъ большой запасъ. Любилъ я когда нашъ сѣдовласый, но милый французъ, развеселясь, запоетъ и запляшетъ *gavotte*. Онъ помнилъ смерть Людовика XVI, ему было тогда семь лѣтъ, отецъ его былъ адвокатомъ и они жили въ Парижѣ; казнъ короля сильно опечалила его семью; говаривалъ онъ иногда о *Sieyès-ѣ*, съ которымъ отецъ его былъ, кажется, въ родствѣ. Служилъ въ арміи Наполеона уланомъ и имѣлъ чинъ капитана. О Наполеонѣ говорилъ часто, много и всегда восторженно. Въ 1812 году вступилъ въ Россію вмѣстѣ съ великою арміею; на смотре въ Ковно упалъ съ лошадыю и остался тамъ въ лазаретѣ. Былъ женатъ, но съ женою не жилъ. Когда онъ былъ у насъ, она была въ Петербургѣ довольно извѣстною повивальною бабкою. Я разъ, бывши уже студентомъ, ей сдѣлалъ визитъ, но не по дѣлу о повивальной помощи, а изъ любви къ ея мужу. Поступилъ онъ къ намъ когда мнѣ было п-ть лѣтъ — я родился 21-го Января 1829 года — и прожилъ у насъ

до года моей свадьбы — 1858-го. Умеръ онъ вскорѣ послѣ того въ имѣніи бывшаго также своего воспитанника Владиміра Яковлевича Дедюлина.

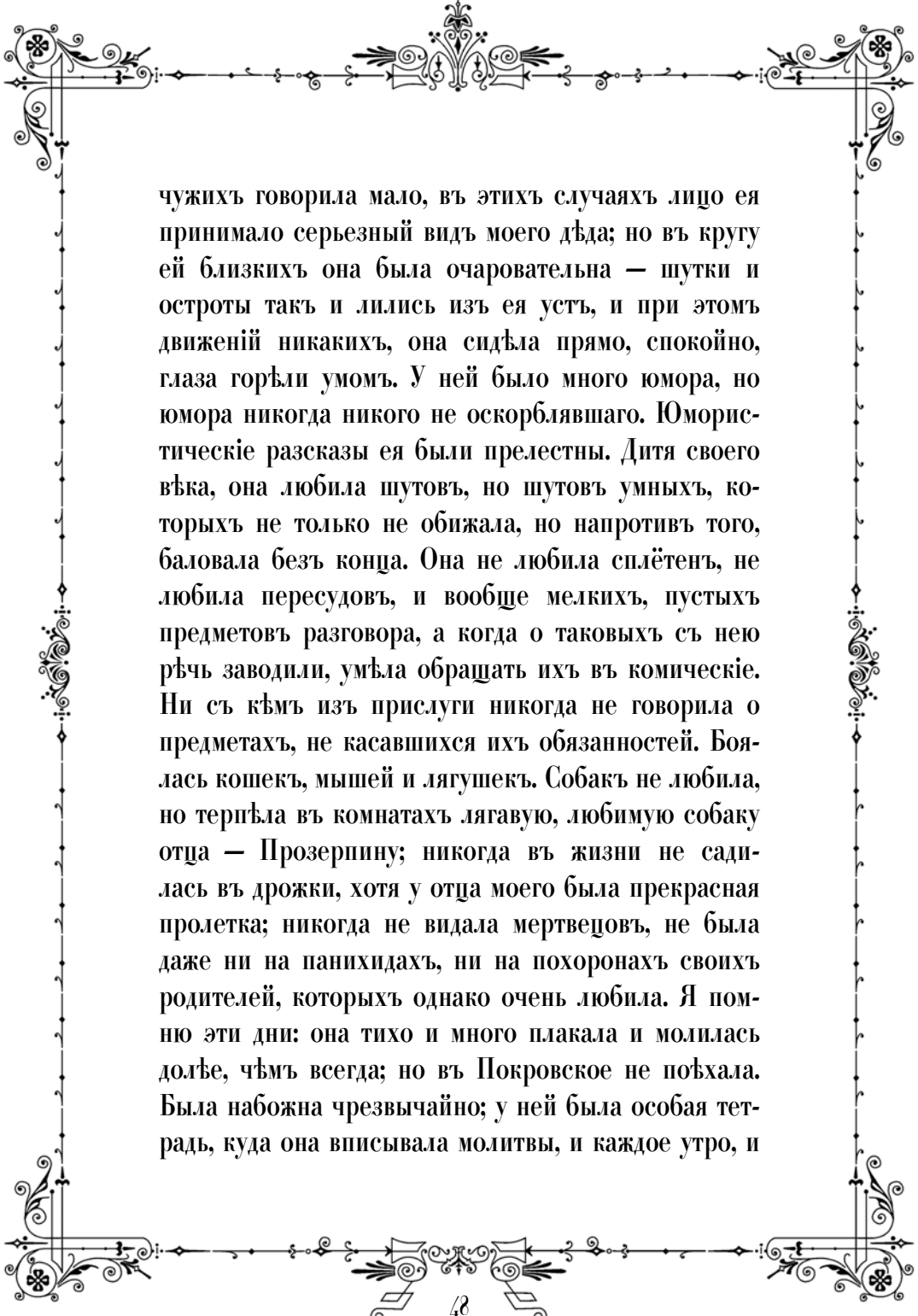
Отецъ мой Павелъ Ивановичъ родился 5 декабря 1805 года. Былъ любимцемъ своей суровой матери; до 12-ти лѣтъ спалъ въ ея спальнѣ, а во время ея страданій передъ смертью онъ одинъ, и никто болѣе, поворачивалъ её; у неё были пролежни. Учился онъ, какъ тогда почти всѣ дворяне Ярославской и сосѣднихъ губерній, въ Демидовскомъ лицѣѣ. Окончивъ курсъ въ 1823 году, онъ поступилъ юнкеромъ въ Гатчинскій кирасирскій полкъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, входившій въ составъ дивизіи, которою командовалъ Великій Князь Николай Павловичъ. «Тяжело было», рассказывалъ отецъ, «Великій Князь былъ чрезвычайно взыскателенъ, а, *«tel maître, tel valet»*, полковой командиръ Каблуковъ мучилъ юнкеровъ до крайности». Въ началѣ 1825 года отецъ мой былъ произведенъ въ офицеры. Въ томъ же полку служилъ братъ моего отца, двумя годами старше его, занимавшій въ то время должность полковаго адъютанта. Полкъ стоялъ въ Гатчинѣ. 14 декабря 1825 года дядя мой былъ боленъ и отецъ исполнялъ его обязанности; въ 3 часа дня прискакалъ фельдъегерь изъ Петербурга съ высочайшимъ повелѣніемъ: «явиться полку немедленно въ Петербургъ и охранять Императрицу

Марию Ѳеодоровну». Отецъ мой, какъ исправлявшій должность полковаго адъютанта, долженъ былъ немедленно ѣхать, за приказаніями, къ полковому командиру. Санки, въ которыхъ быстро ѣхалъ мой отецъ, опрокинулись и кираса, при паденіи его, согнулась и вошла ему въ правый бокъ; но онъ не обратилъ на это вниманія и сѣлъ на коня. Полкъ всё разстояніе между Гатчиной и Петербургомъ прошелъ на рысяхъ и въ вечеръ того же дня выстроился на площади противъ Зимняго Дворца, гдѣ теперь Александровская колонна. На площади горѣли костры; бунтъ былъ подавленъ. Въ ту минуту, какъ лошадь отца остановилась, съ нимъ сдѣлалось дурно, параличъ разбилъ его руку и ногу съ той стороны, гдѣ вшивалась кираса. Отецъ мой былъ уволенъ въ отпускъ на Кавказскія минеральныя воды; но на Кавказъ онъ не попалъ, а заѣхалъ къ родителямъ въ Торóпово, влюбился въ дочь сосѣда, мою мать, вышелъ въ отставку и женился 17-го апрѣля 1828 года, на костыляхъ. Параличъ вскорѣ прошелъ, но знакъ на правомъ боку въ видѣ нароста оставался у него во всю его жизнь. Отецъ мой былъ человѣкъ способный. Онъ былъ и ветеринаръ, и архитекторъ, и столяръ, и токарь, и каретникъ, и садовникъ, и поваръ, и хорошій предводитель дворянства. Начиная съ 1848 года и до самой его смерти, въ 1871 году, дворяне Даниловскаго уѣзда его избирали

постоянно, и въ послѣднія трехлѣтія, въ большомъ залѣ Ярославскаго Сиротскаго дома, гдѣ производятся обыкновенно выборы, вставали передъ нимъ на колѣни, умолая его не отказываться отъ должности, а прочіе обыватели Даниловскаго уѣзда, которыхъ мнѣ случалось впослѣдствіи встрѣчать, отзывались о немъ въ такихъ выраженіяхъ, что мы, дѣти его, имѣемъ полное право имъ гордиться.

Отецъ мой былъ очень большаго роста и обладалъ замѣчательной физической силой; сердце у него было доброе, но характеръ тяжелый.— Любилъ очень мою мать и со мною былъ постоянно хорошъ.

Мать моя Анна Аполлоновна родилась 9 мая 1809 года. Ей было 19 лѣтъ когда я появился на свѣтъ Божій, такъ, что я её помню во всемъ блескѣ молодости: она была высокая, стройная, величественная брюнетка съ чрезвычайно красивыми глазами. Мой дѣдъ Волковъ, великій цѣнитель красоты вообще, подобно Императору Николаю Павловичу, который, когда хотѣлъ что похвалить, говорилъ *«c'est jolі comme ma fille Olga»*, восхищался моею матерью. Находя, вѣроятно, ея типъ подходящимъ подъ типъ испанскій, училъ её играть на гитарѣ и подарилъ ей великолѣпную гитару, до которой она, однако, выйдя замужъ, едва дотрогивалась; но она любила музыку и съ удовольствіемъ садилась за фортепіано. Она была застѣнчива и въ обществѣ

чужихъ говорила мало, въ этихъ случаяхъ лицо ея принимало серьезный видъ моего дѣда; но въ кругу ей близкихъ она была очаровательна — шутки и остроты такъ и лились изъ ея устъ, и при этомъ движеній никакихъ, она сидѣла прямо, спокойно, глаза горѣли умомъ. У ней было много юмора, но юмора никогда никого не оскорблявшаго. Юмористическіе рассказы ея были прелестны. Дитя своего вѣка, она любила шутовъ, но шутовъ умныхъ, которыхъ не только не обижала, но напротивъ того, баловала безъ конца. Она не любила сплѣтенъ, не любила пересудовъ, и вообще мелкихъ, пустыхъ предметовъ разговора, а когда о таковыхъ съ нею рѣчь заводили, умѣла обращать ихъ въ комическіе. Ни съ кѣмъ изъ прислуги никогда не говорила о предметахъ, не касавшихся ихъ обязанностей. Боялась кошекъ, мышей и лягушекъ. Собакъ не любила, но терпѣла въ комнатахъ лягавую, любимую собаку отца — Прозерпину; никогда въ жизни не садилась въ дрожки, хотя у отца моего была прекрасная пролетка; никогда не видала мертвецовъ, не была даже ни на панихидахъ, ни на похоронахъ своихъ родителей, которыхъ однако очень любила. Я помню эти дни: она тихо и много плакала и молилась долѣе, чѣмъ всегда; но въ Покровское не поѣхала. Была набожна чрезвычайно; у ней была особая тетрадь, куда она вписывала молитвы, и каждое утро, и

каждый вечеръ молилась долго; во время крестныхъ ходовъ в Ѳединѣ участвовала въ процессіяхъ, неся съ благоговѣніемъ образъ вслѣдъ за священникомъ: любила хорошія книги, но предпочитала читать не сама, а слушать, работая, чтеніе другихъ, ея постоянной чтицей была сестра моя Екатерина Павловна. Гоголь приводилъ её въ восторгъ. Ея *soirées de lecture* продолжались иногда до 4-хъ часовъ утра. Любила страстно природу, по цѣлымъ часамъ, а въ свѣтлыя ночи почти до утра, сидѣла молча и любовалась Божьимъ міромъ. Любила поэзію, «Чернецъ» Козлова былъ переписанъ весь ея рукою. Какая прелесть, говорила она:

«Широкій Днѣпръ переплывать,
Любилъ опасностью играть,
Надъ жизнью дерзостно смѣяться;
Мнѣ было нечего терять,
Мнѣ было не съ кѣмъ разставаться».

Любила писать: писала мнѣ въ Петербургъ аккуратно каждую недѣлю два раза; переписывалась съ сестрами, которыхъ очень любила. Любила шифоньерки, ящички и разныя бездѣлушки. Любила порядокъ. Не любила ходить и почти никогда не ходила. Умѣла молчать и не любила чтобы её спрашивали: *отчего вы не въ духъ?* Любила работать и постоянно вышивала по канвѣ или вязала крючкомъ изъ толстой берлинской шерсти. Не любила

картъ, но иногда играла, и всегда разсѣянно, увѣряя, что за картами такъ хорошо думать, но только не о картахъ. Всегда носила ридикюль, вышитый ею самою, куда клала платокъ и ключи. Любила бой часовъ, надъ самой ея постелью висѣли часы съ боемъ. Изъ цвѣтовъ болѣе другихъ любила желто-фіоли и туберозы. Дѣтей своихъ очень любила и, имѣя ихъ только одиннадцать, знала безошибочно что кому и когда надо. Была щедра; умѣла утѣшить печаль.

Скончалась дорогая маменька 24 октября 1856 года послѣ мучительной болѣзни — рака на груди. Во время агоніи она творила молитву «Отче нашъ».

Аполлонъ Кругликовъ

Забалканское

12 Сент. 1889 г.

Дозволено цензурою. Спб., 27 Сент. 1889 г.

Примечания

- стр. 6 *crème* – (фр.) крем
- стр. 12 *en point d'Alençon* – (фр.) в Алансонских кружевах. Город Алансон в Нормандии, Франция, славился производством кружев (энц. Брокгауза)
- стр. 24 *jeunes premiers* – (фр.) юные дебютантки
- стр. 25 *La chronique scandaleuse dit...* – (фр.) Скандальная хроника говорит, что Плещеев, один из фаворитов Павла, был у ее ног. Я говорю это по-французски, чтобы меня не услышали люди, но все же ходят слухи, что из законнорожденных у нее были только старшие: мой дед и его две сестры – мадам Игнатьева и мадам Перфильева.
- стр. 25 *vieux-saxe* – (фр.) старый саксонский фарфор; изделия первого в Европе фарфорового завода в г. Мейсен, округ Дрезден в Саксонии, Германия (Большая Советская Энциклопедия)
- стр. 28 *à la barrière de Paris* – (фр.) на торгах в Париже
- стр. 43 *petite grammaire* – (фр.) маленькая грамматика
- стр. 43 *participes passés* – (фр.) причастия прошедшего времени
- стр. 44 *Destombes* – (фр.) Детомб
- стр. 44 *gavotte* – (фр.) гавот, французск. старинный танец
- стр. 44 *Sieyès* – Сийэс, Эммануэль-Жозеф, французский политический деятель эпохи великой революции, 1748-1836, аббат, влиятельный член национального собрания и выдающийся оратор. Поддерживал Бонапарту, в последствии, при империи, президент сената (энц. Брокгауза)
- стр. 45 *tel maître, tel valet* – (фр.) каков хозяин, таков и слуга
- стр. 47 *c'est joli comme ma fille Olga* – (фр.) это красиво, как моя дочь Ольга
- стр. 49 *soirées de lecture* – (фр.) вечера чтения

Перечень упоминаемых фамилий

Алексѣва, Марья Сергѣвна (рожд. Власьева) 12, 16
Алексѣвъ, Владиміръ Григорьевичъ 16
Апраксина [Марія Дмитріевна] (рожд. Рахманова) 27
Апраксинъ [Антонъ Степановичъ] 27
Базилевская, Надежда Петровна (рожд. Озерова) 27
Баратаева, княгиня (рожд. Волкова) 26
Бехтеева, Екатерина Дмитріевна.
 см. Власьева, Екатерина Дмитріевна
Блудовъ [Дмитрій Николаевичъ] 40
Васильевъ, Демосфенъ Васильевичъ 14
Великая Княгиня Екатерина Павловна 22
Власьева, Авдотья Сергѣвна.
 см. Урусова, Авдотья Сергѣвна
Власьева, Анна Ивановна 14, 15, 16
Власьева, Екатерина Дмитріевна (рожд. Бехтеева) 13
Власьева, Екатерина Сергѣвна.
 см. Кругликова, Екатерина Сергѣвна
Власьева, Наталья Николаевна 14
Власьева Марья Сергѣвна.
 см. Алексѣва, Марья Сергѣвна
Власьевъ, Иванъ Сергѣевичъ 12, 13
Власьевъ, Михаилъ Сергѣевичъ 12
Власьевъ, Сергѣй Ивановичъ 11, 12
Волкова, Александра Николаевна (рожд. Ушакова) 33,
 35, 36, 40, 41
Волкова, Анна Андреевна.
 см. Муравьева, Анна Андреевна
Волкова, Анна Аполлоновна.
 см. Кругликова, Анна Аполлоновна
Волкова, Варвара Александровна 28, 29
Волкова, Екатерина Александровна 28, 29
Волкова, Екатерина Даниловна (рожд. Канищева) 25
Волкова, Марья Александровна.
 см. Озерова, Марья Александровна

Волкова, Марья Аполлоновна 32
 Волкова, Прасковья Александровна.
 см. Миллеръ, Прасковья Александровна
 Волкова, Софья Александровна (рожд. Римско-Корса-
 кова) 7, 29
 Волковъ, Александръ Александровичъ 26
 Волковъ, Александръ Андреевичъ 25, 27
 Волковъ, Александръ Аполлоновичъ 34
 Волковъ, Аполлонъ Александровичъ 26, 30, 47
 Волковъ, Петръ Аполлоновичъ 31
 Гагина, Надежда Михайловна 13
 Грибоѣдова [Софья Александровна] 30
 Грибоѣдовъ [Александръ Сергѣевичъ] 30
 Дедюлинъ, Александръ Яковлевичъ 11
 Дедюлинъ, Владиміръ Яковлевичъ 44
 Дубельтъ, Леонтій Васильевичъ 39
 Дубровинъ, Павелъ Николаевичъ 14
 Евгений, Архіепископъ 19, 21
 Жихаревъ 27
 Игнатъева (рожд. Волкова) 25, 26, 27
 Императоръ Николай 37
 Канищева, Екатерина Даниловна.
 см. Волкова, Екатерина Даниловна
 Катенинъ, генераль-адъютантъ 39
 Кругликова, Александра Ивановна (рожд. Дедюлина) 11
 Кругликова, Анна Аполлоновна (рожд. Волкова) 47
 Кругликова, Анна Венедиктовна 8
 Кругликова, Анна Николаевна 12
 Кругликова, Варвара Николаевна (рожд. Шустамская) 23
 Кругликова, Екатерина Павловна 42, 49
 Кругликова, Екатерина Сергѣевна (рожд. Власьева) 11,
 12, 14, 16, 25, 43
 Кругликова, Марья Павловна 35
 Кругликова, Настасья Осиповна 8
 Кругликова, Наталья Павловна 35
 Кругликова, Софья Венедиктовна 8

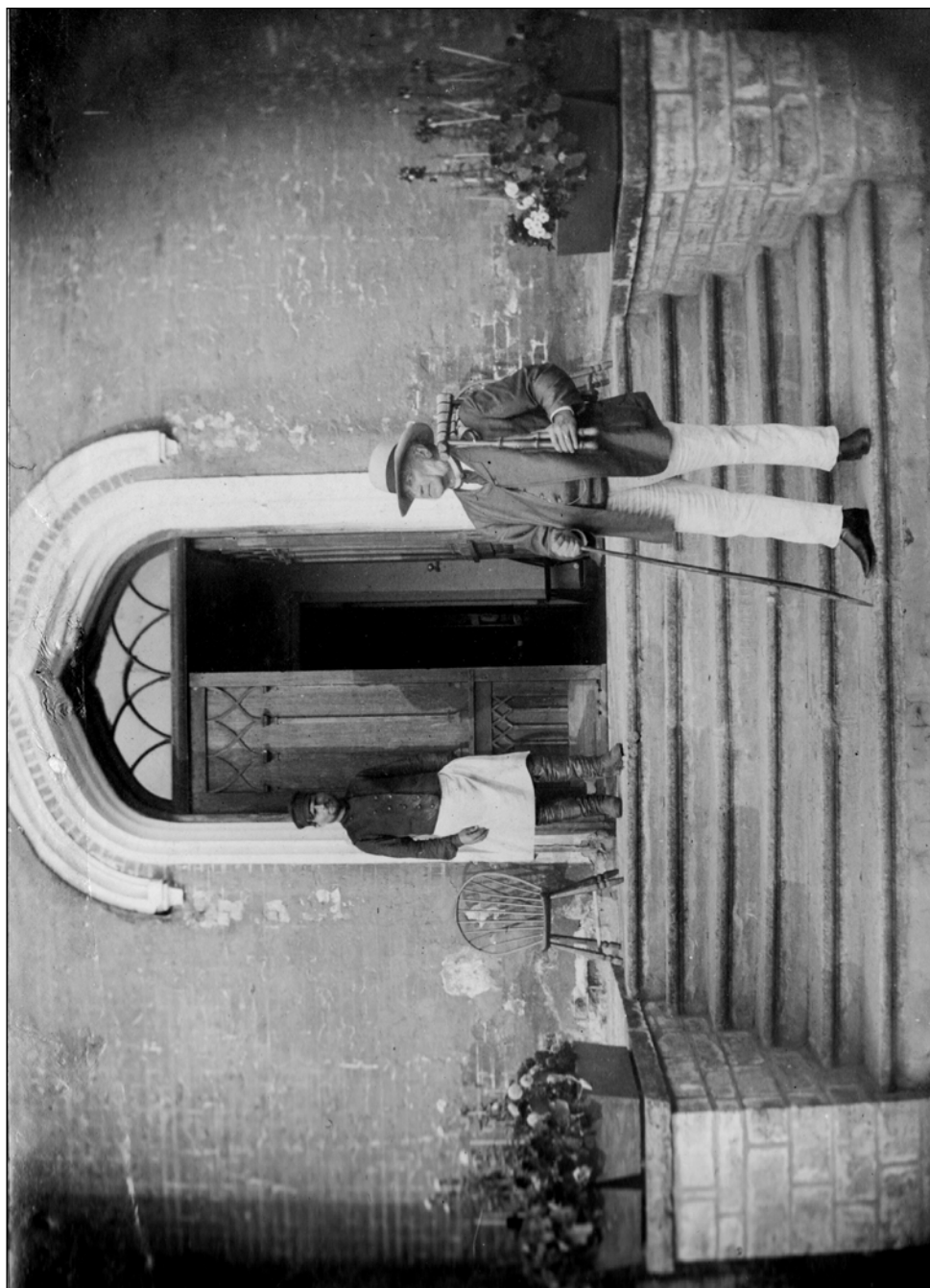
Кругликова, Софья Ивановна 9
Кругликова, Софья Павловна.
 см. Тимротъ, Софья Павловна
Кругликовъ, Александръ Венедиктовичъ 8, 9
Кругликовъ, Аполлонъ Павловичъ.
 автор «Воспоминаний» .
Кругликовъ, Венедиктъ Александровичъ 6, 7, 8, 20, 21
Кругликовъ, Иванъ Венедиктовичъ 8, 9, 11, 19, 23, 30
Кругликовъ, Иванъ Павловичъ 9
Кругликовъ, Николай Александрович 10
Кругликовъ, Николай Ивановичъ 23
Кругликовъ, Павелъ Александрович 10
Кругликовъ, Павелъ Венедиктовичъ 8, 9, 11
Кругликовъ, Павелъ Ивановичъ 45
Кругликовъ, Сергѣй Ивановичъ 9, 20
Лыщинскій, Владиміръ Анзельмовичъ 27
Маркусъ, Михаилъ Антоновичъ 28
Медемъ, Марья Михайловна 15
Миллеръ 27
Миллеръ, Прасковья Александровна (рожд. Волкова) 26
Муравьева, Анна Андреевна (рожд. Волкова) 25
Муравьевъ [-Виленскій, Михаилъ Николаевичъ] 25
Муханова (рожд. Волкова) 26
Оболенскій [Владиміръ Андреевичъ] 27
Озерова, Марья Александровна (рожд. Волкова) 26
Озерова, Надежда Петровна.
 см. Базилевская, Надежда Петровна
Паскевичъ [-Эриванскій, Иван Ѳедоровичъ] 30
Перфильева, Александра Андреевна.
 см. Шустамская, Александра Андреевна
Перфильева (рожд. Волкова) 25, 26
Поливановъ, Иванъ Юрьевичъ 15
Поливановъ, Николай Ивановичъ 15
Политковскій, Александръ Гавриловичъ 38
Рахманова, Софья Ивановна (рожд. Миллеръ) 26

Римско-Корсакова, Софья Александровна.
 см. Волкова, Софья Александровна
 Римско-Корсаковъ, Сергѣй Александровичъ 30
 Родзянко, Софья Гавриловна.
 см. Ушакова, Софья Гавриловна
 Романова, Марія Ѳеодоровна 15
 Саблукова (рожд. Волкова) 26
 Теляковскій, Аркадій Захарычъ 35
 Теляковская, Екатерина Васильевна.
 см. Ушакова, Екатерина Васильевна
 Тимротъ, Софья Павловна (рожд. Кругликова) 9
 Урусов, Дмитрій Михайловичъ 24
 Урусова, Авдотья Сергѣевна (рожд. Власьева) 12
 Ушакова, Александра Николаевна.
 см. Волкова, Александра Николаевна
 Ушакова, Варвара Николаевна 41
 Ушакова, Екатерина Васильевна (рожд. Теляковская)
 35, 36
 Ушакова, Софья Гавриловна (рожд. Родзянко) 40
 Ушаковъ, Николай Ивановичъ 34, 35
 Ушаковъ, Павелъ Николаевичъ 7, 13, 35, 37
 Ушаковъ, Сергѣй Николаевичъ 37
 Фришъ, Эдуардъ Васильевичъ 27
 Чернышевъ, князь 38
 Чернышевы-Кругликовы 22
 Шевичъ, Андрей Николаевичъ 16
 Шевичъ, Дмитрій Андреевичъ 16
 Шустáмская, Александра Андреевна (рожд. Перфильева) 23
 Шустáмская, Варвара Николаевна.
 см. Кругликова, Варвара Николаевна
 Юрьевичъ 40
 Яковлев, Иван Алексѣевич 38, 39

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ

Меня всегда почти огорчала мысль, что у насъ, на Руси, дѣти еще знаютъ о своихъ отцахъ, знаютъ кое-что и внуки о своихъ дѣдахъ, но правнуки о своихъ прадѣдахъ, за весьма немногими исключеніями, ничего не знаютъ; такъ что прошлое и даже весьма недавнее громаднаго большинства нашихъ фамилій покрыто для потомства непроницаемою тьмою. Хотя прошлое нашего семейства не отличается также большимъ освѣщеніемъ, но я все-таки желаю исполнить давнишнее мое намѣреніе и набросать на бумагѣ, какъ съумѣю, тѣ свѣдѣнія, которыя сохранились въ моей памяти. Свѣдѣнія эти весьма скудны; но лучше дать что-нибудь, чѣмъ ничего не дать.

Приступая къ этому, я ставлю себѣ задачею не красоту слога,—не вѣмъ дано хорошо писать,—не

А. П. Кругликов в Забалканском (усадьбе зятя, И. А. Притвица)

*Венедикт Александрович (?) Кругликов. Торопово. Х/м.
Работа неизвестного (крепостного) художника.*

Бригадир Венедикт Александрович Кругликов, Настасья Осиповна урожденная Стражкевич (вверху), жена Ивана Венедиктовича Катерина Сергеевна урожденная Власьева, сын бригадира Кругликова Иван Венедиктович, подполковник (внизу).

Александр Венедиктович Кругликов, силуэты, б./тушь, ок. 1800

© Государственный Исторический Музей

*Аполлон Александрович Волков.
Петр Аполлонович Волков, акварель, 1832.*

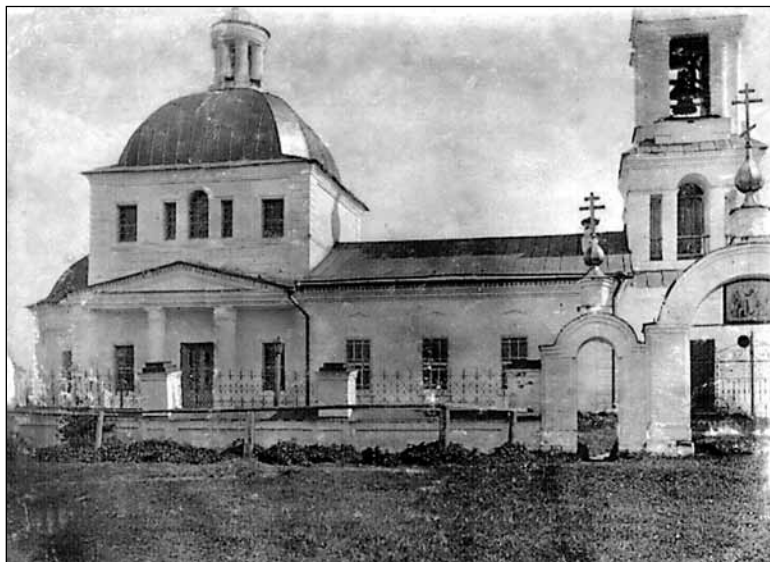
*Александра Николаевна Волкова (рожд. Ушакова).
Петр Аполлонович Волков, акварель, 1832.*

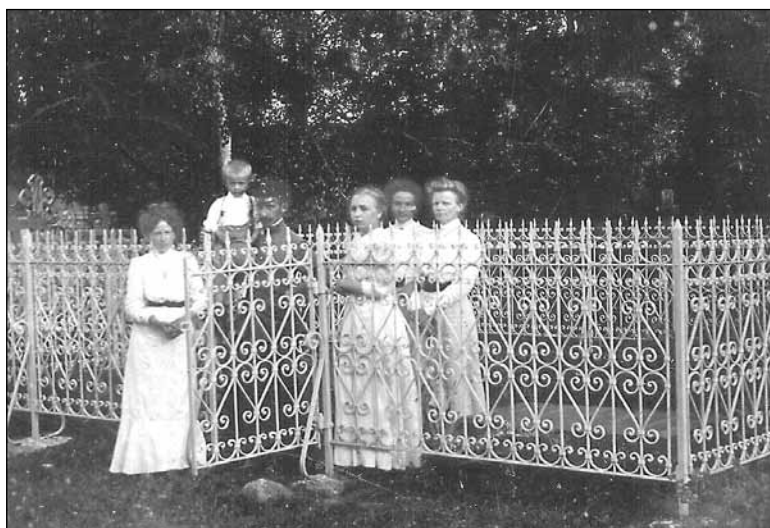
*Анна Аполлоновна Кругликова (рожд. Волкова).
Петр Аполлонович Волков, акварель, 1832.*

Софья Павловна Тимрот (рожд. Кругликова)

Воскресенская церковь в Торопове. 1914 г.

*Воскресенское кладбище в Торопове, место захоронения
Кругликовых и Тимрозов. 1914 г.*

3

2

1

6

5

4

Могильные плиты на кладбище Воскресенской церкви в Торопове. Фото 2005 г. Надписи на плитах:

1. Анна Аполлоновна Кругликова / родилась в 1809 г 8 мая / кончила жизнь в 1856 г 24 октября
2. Павел Иванович Кругликов / родился 29 ноября 1805 года / скончался 17 мая 1871 года
3. Егор Александрович Тимрот / род. 22 ноября 1831 г / сконч. 29 июня 1909 г
4. Сергей Иванович Кругликов / скончался 8 августа 1848 года / 50 лет
5. Иван Венедиктович Кругликов / скончался 6 мая 1851 года / 85 лет
6. София Ивановна Кругликова / род. в октябре 1802 г / сконч. 30 марта 1864 г

ГЕНЕРАЛ-ГОЛОВА
БОЛОГНСКАГО
УЕЗДА
часть III

- 506 Василево
- 355 Новое
- 358 Семеново
- 354 Воздвиженское

Масштабъ къ плану
Василевскому оуездъ / перста

1 2 3

Литературно-художественное издание
Аполлон Павлович Кругликов
Мои воспоминания

Проект «Куклин Угол»
Сайт проекта <http://toropovo.wedge.ru>
Редактор издания А. В. Соколов
E-mail: abc@wedge.ru

Подписано в печать 28.03.2006
Формат 17×24. Бумага офсетная.
Гарнитура “Елизавета” ©2001 Н. Андрущенко
Усл. печ. л. 4,5
Тираж 100 экз.
Отпечатано в ООО “Аверс Плюс”
150040, г. Ярославль, пр. Октября, 34/21
Тел. (4859) 976 922